

Марина Эльденберт, Валерия Чернованова

МежМировая няня, или Алмазный король и я

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

МежМировая няня

Марина Эльденберт

**МежМировая няня, или
Алмазный король и я**

«АЛЬФА-КНИГА»

2019

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Эльденберт М.

МежМировая няня, или Алмазный король и я / М. Эльденберт —
«АЛЬФА-КНИГА», 2019 — (МежМировая няня)

ISBN 978-5-9922-2891-5

Бывает, поссоришься с бывшей своего будущего мужа – и вуаля! Ты в другом мире, в теле актрисы, претендентки на должность... няни для дочерей алмазного короля. Фернан Демаре по праву считается самым богатым человеком Ньерры, обладающим золотым запасом магии, а я... В общем, со мной никто считаться не хочет. Но это только пока... И, кстати, я буду не я, если не найду обратную дорогу на Землю. А пока буду искать, главное не забывать, что служебные романы хороши только в фильмах и книгах. Ведь так?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-2891-5

© Эльденберт М., 2019
© АЛЬФА-КНИГА, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	33
Глава 5	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Марина Эльденберт, Валерия Чернованова

Межмировая няня, или Алмазный король и я

Глава 1 Туалет в другой мир

Ира Илларионова

– Стерва крашенная! – рявкнули на меня.

Ну крашенная, подумаешь. Я, между прочим, мечту свою студенческую осуществила – стала блондинкой. Правда, из-за этого домой теперь придется ходить пешком аж два месяца, но оно того стоило.

Наверное.

– Я с тобой говорю!

Понятно, что со мной. Я вздохнула и перевела взгляд на стоявшую передо мной девицу с ногами от ушей и блестящей черной гривой такой густоты, которой любая модель из рекламы шампуня может позавидовать. Все остальное, в общем, соответствовало. Я даже со своими натуральными каштановыми рядом с ней бледной молью смотрелась бы, а сейчас и подавно.

– Лилия Юрьевна, – сказала спокойно, – если хотите что-то со мной обсудить, давайте выйдем, и я вас выслушаю...

– Никуда я выходить не буду! – взвизгнула она так, что в конце коридора задребезжали стекла, а соседняя дверь приоткрылась, и из-за нее выглянула уборщица. Екатерина Павловна подозрительно сощурилась, но под взглядом брюнетки тут же втянулась обратно в кабинет заведующей.

На самом деле мне еще повезло, что бывшая моего будущего мужа решила выяснять отношения в конце рабочего дня, когда почти всех детей забрали домой, а заведующая нашего сада ушла пораньше, как обычно, в пятницу.

– В таком случае до свидания. – Я развернулась с намерением тоже уйти, но меня перехватили за локоть.

– Уж не представляю, что он в тебе нашел, но лучше откажись от него сама!

Остроту наманикюренных коготков я почувствовала даже через плотную вязку свитера.

– Руки уберите, – посоветовала, теряя терпение.

– У меня бабка – цыганка в пятом поколении, так и знай!

– А у меня дед – майор КГБ в отставке, – заметила, не впечатлившись угрозой.

И прежде чем красотка успела опомниться, сбросила ее руку, надавив на две болевые точки. Этому меня, кстати, научил тот самый дед.

– Ах ты... Чтоб тебе войти и не выйти! – прошипела она, подавшись ко мне так яростно, что я едва успела отпрянуть.

Голова закружилась, я попятилась и уперлась спиной в холодную стену, а брюнетка, напоследок одарив меня ненавидящим взглядом, метнулась по коридору со скоростью молнии. В сторону выхода – и то ладно.

Я смотрела ей вслед, когда услышала тоненький голосок:

– Ирина Александровна!

– Маша?!

Голос доносился из туалета, находившегося в конце коридора, и я бросилась туда. Машу Лебедянцеву всегда забирали последней, но когда приехала эта... стерва некрашенная, она

сидела в общей комнате и играла во что-то на смартфоне. Лебедянцевы – очень обеспеченная семья, но Маша – дочь от первого брака. После женитьбы отца она превратилась в падчерицу, и няня в новой семье на нее постоянно жаловалась. Поэтому девочку отдали в садик.

– Ирина Александровна!

– Что-то слу...

Я влетела в абсолютно пустой туалет и замерла.

Все дверцы кабинок распахнуты, внутри никого. Только журчит вода в последней, неисправный бачок нам обещают починить уже вторую неделю. Огляделась: здесь и спрятаться-то негде, и все же я была более чем уверена, что голос доносился отсюда. За несколько лет работы успела изучить детсад как свои пять пальцев, или мне так только казалось. Или надо меньше работать, что тоже в принципе верно.

Напоследок бросив на себя взгляд в затертое зеркало, которое как-то странно исказило мое лицо, развернулась и шагнула к двери.

– Маша! Маша, ты где?

С этими словами я вышла... и едва не ослепла, уткнувшись взглядом в начищенный до блеска паркет.

Вышла и остолбенела. Паркет? Откуда в нашем госучреждении взяться дорогому покрытию, если в коридорах латаный-перелатаный линолеум, который давно следовало перестелить, а в игровых и спальнях – ковролин положили, когда моей писклявой пропажи еще в проекте не было.

– Ма... – начала снова звать девочку, делая шаг, а за ним следующий. Да так и застыла с раскрытым ртом, когда в такт несмелому движению шевельнулась бахрома, чисто символически прикрывавшая колени.

Еще и бахрома...

Но я ведь в брюках была!

– ...ша, – зачем-то растянула губы в извиняющейся улыбке.

Только непонятно, перед кем извинялась. Перед дюжиной странно одетых девиц, вдруг разом откликнувшихся на Ма-шу и вперивших в меня взгляды. Или перед своим внезапно помутившимся сознанием. Просила прощения за странные галлюцинации.

С ума сойти! Я сошла с ума за два месяца до свадьбы!

Уф, еще и заговариваюсь.

– Мирэль Тонэ! И вы тоже здесь?! – едва не опрокинул поднос на одну из девушек незнакомец в строгом костюме.

Поставил угощения на маленький круглый столик и поспешил ко мне.

– И я тоже... Здесь... – пробормотала, не то спрашивая, не то соглашаясь, и продолжила оглядывать пронзенный иглами солнечных лучей зал. А встрепенувшись, перевела на подошедшего взгляд и с надеждой, что всему наверняка есть простое и вполне логичное объяснение, осторожно добавила: – Здесь – это где?

Секунда-две – нахмуренные брови разгладились, неловкое покашливание и невнятную фразу «опять, чем покрепче, баловались» приглушил прижатый к губам костлявый кулак. Еще спустя мгновение я получила «недоответ». В смысле не те слова, которые надеялась услышать.

– Вы, должно быть, потом сразу в театр. Такая нарядная. Придется подождать. – Подавшись ко мне, черный фрак вполголоса добавил: – Как видите, у нас сегодня полный аншлаг.

А у меня, кажется, шлак. Под черепной коробкой.

– Давайте помогу. Мируар Демаре очень удивлен, что и вы тоже решили попробовать...

– Не уверена, что решила я...

– ...Себя в качестве няни для мирэль Кристины и мирэль Аделин, – лишил меня незнакомец... белоснежного боа. Ага. Как будто было мало бахромы и колготок в черный горошек.

Ан нет, судя по ощущениям, это чулки.

И сумочку со шляпкой, формой смахивающей на колокольчик, попросил.
Дзинь-дзинь. А это уже под вышеупомянутым «прибором».

– Чаю?

– Нет, спасибо, – выдавила с усилием.

Встала с краю, стараясь не привлекать к себе внимание, и, пока стояла, судорожно размышляла над одним-единственным вопросом: «Куда. Я. Попала?!»

Все было очень... натурально. И слуга, который, не успев отойти, вернул своему лицу фирменную улыбку и продолжил, кланяясь, разносить напитки. И девушки, затянутые в винтажные платья, как в чехлы, с нитками жемчугов на шеях и волнистым каре.

Такое ощущение, что смотрю на вырезку из старого, очень старого журнала. Или присутствую на съемках фильма про далекие двадцатые не такого уж далекого двадцатого века.

Ущипнула себя украдкой. Раз, другой. Мечтая оказаться среди знакомых предметов и людей. Сил больше нет смотреть на эту вычурную мебель и всех этих манерных леди!

– ...А на днях выловили еще одного, – плеснуло в меня глубоким звучным голосом. Его обладательницей была жгучая брюнетка, сидевшая на диванчике неподалеку. – И откуда только иномирные берутся?

– Намного интересней, куда их, отловив, отправляют, – подхватила другая девушка в горчичного цвета платье. – Они как будто растворяются.

– Как по мне, так их просто... – выразительно провела ребром ладони по своему горлу первая и продолжила цепко оглядывать просторную гостиную. словно прикидывала, что бы, будь на то ее воля, изменила в окружающей обстановке. – Не забрасывать же обратно. Это ведь так кристаллозатратно.

– И то правда, – согласилась миниатюрная блондинка, вздыхая. – Но все-таки немного жалко. Могли бы работать на шахтах.

– Может, и работают. Какая, в сущности, разница? Лишь бы нам на глаза не попадались.

Я упустила момент, когда слуга, дворецкий (или кем у них здесь числится тот усато-франтоватый мужик с плиссированной манишкой) вышел. Потому как сама глубоко ушла в свои мысли. Отчего не сразу заметила, что на меня снова косятся все «прошлые», а вернувшийся лакей, в очередной раз раскашлявшись, методично повторяет:

– Мирэль Тонэ... Мирэль Тонэ... Мирэль Тонэ!

– А? – Кажется, ко мне обращаются.

– Мируар Демаре приглашает вас к себе в кабинет.

В кабинет так в кабинет. Почему бы не познакомиться еще с одной галлюцинацией. Под аккомпанемент недовольного шипения, что посмела влезть вне очереди, я отправилась общаться с загадочным мируаром. Уж не знаю, обращение это или парню шутники-родители при рождении дали такое дурацкое имя.

Стоило оказаться внутри, как я поняла, что вряд ли его родители умеют шутить. Потому что ну не могут люди с чувством юмора произвести на свет такого мрачного типа, чей взгляд, как погоны из чугуна, шмякнулся на мои плечи немыслимой тяжестью. Сидевший за столом мужчина был широк в плечах и явно высок, потому что даже громадная спинка кресла была едва видна за его спиной. Зачесанные все по той же старинной моде каштановые волосы и легкая небритость делали его похожим на гангстера из голливудских фильмов. Хотя нет, для гангстера ему не хватало сигары в зубах и автомата под мышкой.

– Мирэль Селани Тонэ, – произнес мужчина с таким видом, словно это имя вызывало у него зубную боль. Он даже не пытался подняться и смотрел на меня, как на вредное насекомое, которое следует прихлопнуть прежде, чем оно укусит. – Зачем вы здесь?

Вроде и спросил, но не дал мне и рта раскрыть.

– Ах да, вы претендуете на должность няни для моих детей. Чудно. – Он крутил между пальцами перьевую ручку с таким видом, будто собирался воткнуть ее в стол. Или метнуть вместо дротика в меня. – И чему вы собираетесь их учить? Клоунаде?

От такого приема я обалдела, если не сказать больше.

Мало того что он даже не оторвал свою задницу от кресла, так еще и смотрел на меня, как на нечто плавучее, которое никогда не тонет.

– Если потребуется, – сообщила я светским тоном. – Желаете включить клоунаду в программу обучения?

Терпеть не могу хамов, даже если у этих хамов за спиной мебель красного дерева, стеллажи с фолиантами, которыми прибить можно запросто, дворецкий и толпа длинноногих девиц.

Хам угрожающе сдвинул брови, перо в его руках едва не хрустнуло.

– Нет, силуюсь понять, на что рассчитываете. – Он все-таки отложил ручку и поднялся. – Так и будете стоять в дверях?

Да, в дверях мне как-то спокойнее, через них можно и деру дать, невзирая на плиссированную манишку и манекенщиц.

– А вы приглашали меня сесть?

– Не приглашал. Потому что не счел нужным. Тем более что раньше вы не отличались стеснительностью, – добавил он, и в угрозу ворвалась насмешка.

Такая же опасная, как он сам.

Интересно, чем еще я не я не отличалась раньше?

Возможно, поинтересовалась бы у него лично, но к этой минуте меня уже слегка потряхивало от фамильярности и неприязни, которыми изобиловали голос и взгляд хама. Понятия не имею, зачем вышеназванная мирэль Селани Тонэ приперлась к этому невыносимому хмырю наниматься няней, но точно знаю одно: я с ним не хочу иметь ничего общего, не то что детей. Тьфу ты, не хочу я становиться няней его детей, вот!

– Это не стеснительность, а правила хорошего тона, – заметила я. – Этому я тоже могу обучить, но не стану. Всего доброго!

Не дожидаясь, пока до меня снизойдут и ответят, развернулась к дверям и взялась за ручку.

– Стоять! – ударил в спину приказ. Но остановило меня не это, а щелчок в замке: с силой дернула дверь и обнаружила, что она заперта. Обернувшись, увидела, как вспыхнул перстень-печатка на пальце Демаре. Впрочем, сияние тут же померкло, а вот ярость в голубых глазах хама – нет. – Мы не закончили. Выйдете отсюда, когда вам позволю.

Ма-ма... магия?!

Я подхватила первое, что попало под руку, – тяжелую бронзовую статуэтку, стоявшую на постаменте у стены.

– Не подходите! – заявила воинственно.

– Или что? – поинтересовался он.

– Я буду защищаться!

– Этим? – Украшение вспыхнуло снова.

Статуэтка выскользнула из рук, будто смазанная маслом, и плавно опустилась на место. Поклясться могу, что мои пальцы сжимались на ней как клешни краба на носу кота из мультфильма, но в эту минуту стали мягкими и податливыми, словно пластилин. Я было открыла рот, но тут же его захлопнула, поскольку с пальцев Демаре сорвалось искрящееся лассо, которое опоясало меня и подтянуло к столу. Вторая попытка заговорить ни к чему не привела, больше того: кресло недобро пнуло меня под коленки, ноги подогнулись, и я плюхнулась прямо в него.

– Я, конечно, подозревал, что ваши умственные способности оставляют желать лучшего. – Хам вальяжно опустился в свое, чуть натянув лассо, из-за чего я подъехала к столу вместе с креслом. – Но не представлял, что настолько. В том, что вы отличная... – последнее прозвучало с издевкой, – актриса, не сомневаюсь, равно как и вся Ньерра, но меня интересует другое. Начнем сначала. Зачем вы здесь?

Зачем вы здесь, зачем вы здесь... Заклинило его, что ли?

Внимание привлек легкий дымок и запах не то вишни, не то черешни с горчинкой. Я скосила глаза вправо и за подставкой для письменных принадлежностей увидела дымящуюся в массивной пепельнице сигару.

Да чтоб мне всю жизнь стирать вручную!

Магический гангстер!

– Я жду, – нетерпеливо добавил мужчина, явно намекая, что он, конечно, ждет, но ждать будет недолго. Поэтому если не отвечу, то меня могут закатать в бетон или сбросить с моста, или что там делают гангстеры с теми, кто им не нравится.

Он взял сигару и затянулся, рассматривая меня так, словно уже раздумывал над способами казни. Ну а что? Сейчас придушит меня сам по-тихому или кто-нибудь еще... Да хотя бы та же плиссированная манишка по его приказу вытащит через потайную дверь в ковре и сбросит в Гудзон. Или в какой-нибудь Магзон.

Ой, мама.

С трудом подавила желание глупо хихикнуть.

– Я... – Теперь мне казалось, что нужно очень и очень осторожно подбирать слова. – Пришла, чтобы стать няней?

– Это вы у меня спрашиваете?

– Да. То есть нет. – Осторожненько, насколько позволяла искрящаяся вокруг меня веревка, склонилась влево. На всякий случай заглянула за стол, потому что, если там стоит магический автомат, мне нужно знать это прямо сейчас. Магического автомата не было, а вот лассо натянулось и угрожающе зашипело.

– Мирэль Тонэ! Что вы там все высматриваете? – В его голосе слышалось раздражение.

– Ствол, – честно призналась я.

Брови гангстера взлетели вверх, а о дымящейся, зажатой между пальцами сигаре, казалось, он и вовсе забыл, уставившись на меня во все глаза.

– Вы сейчас вообще о чем?!

– Ствол, – терпеливо пояснила я, – это такая штука мощная, когда ее берешь в руки, она стреляет.

Сигара выпала из его пальцев и ткнулась кончиком в пепельницу. Кажется, сейчас случилось то, что мама называла «эффект Ирочки». Первый раз меня накрыло на детской елке, когда нужно было читать стишок перед другими детьми: я тогда сильно перенервничала и вместо стишка поделилась со всеми своими открытиями. В частности, о том, что Деда Мороза не существует, а изображает его папин друг дядя Игорь, и что в подарках не будет вафельных конфет, потому что их съела его немецкая овчарка Рекс. После этого на елки меня больше не приглашали.

– У вас нет ствола? – решила разобраться. – Это для меня очень важно. Поверьте, если бы не было важно, я бы не спрашивала. Если у вас нет ствола, я не сидела бы здесь и сейчас. Понятно, что вы меня удерживаете, но если у вас еще и ствол...

– Хватит! – рывкнул он так, что я подпрыгнула. – Вы окончательно сошли с ума?!

Еще нет, но очень к этому близка.

– Или... – Его голос стал угрожающе низким, благодаря чему я покрылась мурашками даже на пятках. – Вы издеваетесь?

– Да! – ухватила за предложенную подсказку.

- Да?!
- Нет!
- Что – нет?!
- А что – да?!

Наш разговор можно было бы внести в учебник по психиатрии. Если выберусь отсюда живой, обязательно расскажу Светке этот случай, по нему кандидатскую защитить можно.

– Хмарь изначальная! – выдохнул он. – У меня там за дверями два десятка претендентов, кто бы мне объяснил, почему я трачу свое время на вас...

– Не тратьте, – посоветовала я. – Вы же видите, я слегка не в себе.

– Замолчите! – Это больше напоминало рычание.

– Ни за что. Вы связали меня этой магической штукой... – Подергала лассо, которое зашипело. – Обозвали неумной и явно не горите желанием принимать на работу. Поэтому давайте покончим с этим скорее и расстанемся по-хорошему: вы отпустите меня, я выйду вон через ту дверь, и мы больше никогда не увидимся.

Судя по одежде, Селани точно не последний кусок хлеба доедает, так что будем разбираться с проблемами по мере их поступления.

– Это собеседование. – Рычание опустилось до тех низин, в которых обычно обитают чудовища. Он дернул лассо на себя, отчего меня подтянуло вперед и впечатало в стол. – А не один из ваших спектаклей, мирэль Тонэ. Вы пришли на него по доброй воле и, если сейчас же достойно не объясните, почему я должен принять вас на работу, можете забыть о своей карьере. Потому что я вас уничтожу.

Что я там говорила о проблемах?

Кажется, первая уже нарисовалась. Если раньше думала, что этот гангстерский тип может меня убить, то сейчас поняла: убить – в его случае самый простой выход. Проблема заключалась в том, что я не представляла, чего он от меня хочет на самом деле, поэтому продолжала говорить правду.

– Я очень люблю детей, – сказала, мысленно возвращаясь к своим ребятам из садика, – и хочу подарить каждому ребенку, с которым занимаюсь, частичку души. Мне нравится им читать и нравится играть с ними. Конечно, когда...

Под его взглядом почему-то запнулась, но все-таки продолжила:

– Когда они начинают сходиться с ума, я умею установить границы, но все-таки считаю, что счастливое детство – это веселое детство, и что подвижность не менее важна, чем книги или развивающие игры. Возможно, у меня особый взгляд на воспитание, но я уверена, что оно складывается не из правил и ограничений, здесь важна любовь.

Я не сказала ни слова неправды, но взгляд его потемнел еще сильнее, а брови сошлись так, что казалось, вот-вот сплавятся воедино.

– И как же вы собираетесь совмещать актерскую карьеру и работу гувернантки? – не то процедил, не то выплюнул Демаре.

На миг захотелось закончить все это и просто сказать, что я вообще ничего не собираюсь совмещать, а планирую как можно скорее вернуться в свой горячо любимый детсад, но в памяти неожиданно всплыли слова одной из девушек: «Намного интересней, куда их, отловив, отправляют». Проверять, куда именно, на собственном опыте совсем не хотелось.

– Я брошу театр.

– Вон.

– Что?

– У вас еще и со слухом плохо?! Вон из моего кабинета!

Лассо исчезло, шелкнул замок, и я тут же вскочила.

Встретилась с тяжеленным злющим взглядом и неожиданно для себя выдала то, что точно говорить не следовало:

– В моей жизни было очень много собеседований, но это – самое отвратительное, которое мне довелось пережить. Когда будете нанимать няню для своих детей, удостоверьтесь, что она обладает хорошими манерами и знает правила этикета, потому что вам их явно недостает! Но главное – не забудьте про сердце! Оно должно у нее быть непременно, и обязательно очень большим, раз уж папаша его лишен напрочь.

Не дожидаясь, пока мне ответят, развернулась и вылетела за дверь. Прижалась к стене, потому что ноги не слушались, и сердце в груди отбивало неровный ритм. Не успела перевести дух, как объявилась плиссированная манишка и протянул боа с таким видом, словно собирался меня на нем вздернуть.

– Ваши вещи, мирэль. – Слуга сунул мне в руки шляпку и звякнувшую цепочкой сумочку. – Сожалею, что мируар Фернан вам отказал. Но вы должны понимать, не всякой дано стать наставницей для наследниц дома Демаре.

Подслушивал шельмец.

– Не всякие вроде меня будут счастливы оказаться как можно дальше от вашего мируара. Будьте любезны... как вас там, покажите выход.

– Разве так сложно запомнить, мирэль? – с обидой в голосе проговорил дворецкий. – Меня по-прежнему зовут Этиль Жужжен. Но вы всякий раз спрашиваете мое имя.

– Извините.

Обратная дорога лежала через ту же гостиную. Меня встречали и провожали все те же лица, только сейчас на них сорняками расцветали злорадные улыбки. Может, наше с хамом общение транслировалось по какому-нибудь магтелевизору?

Меня продолжало знобить. От всего увиденного и услышанного. Если это дурной сон, то пора бы уже проснуться. А если реальность, тоже дурная, надо как-то из нее выбираться!

А для этого необходимо понять, почему и как я здесь оказалась...

– Вот, пожалуйста! – Рискаю растянуться в шпагате на мраморном полу, в который можно было смотреться, как в зеркало, ловя в нем свое размытое отражение, Фитиль Жужжен бросился открывать двери.

Отражение!

Я подскочила к оправленному в позолоту зеркалу, занимавшему почти всю немалых размеров стену, и замерла как вкопанная.

Только сейчас, с большим опозданием, до меня наконец начало доходить, что я не просто переместилась в другой мир (ой, мамочки!), я перестала быть Ирой Илларионовой. В этой модельного вида дылде не было ничего от миниатюрной сероглазой Иришки, в которую влюбился Миша, и в которой не чаяли души родители.

Длинные волосы насыщенного карамельного цвета ложились на плечи идеальными волнами, как у голливудских звезд былых времен. Глаза – что обласканное солнцем синее-синее море, опасное и бездонное. Мои всегда лучились теплотой, по крайней мере, так утверждала лучшая подруга Светка. В глазах же Селани, казалось, отплясывала дикие танцы нечисть.

«С такой внешностью сам бог велел блистать на сцене», – рассеянно подумалось мне, пока обводила взглядом идеальной красоты черты: аккуратный прямой нос и не нуждавшиеся в помаде яркие сочные губы. Как будто созданные для поцелуев.

– Мирэль Селани, – кашлянул дворецкий.

– Скажите, Жофрен...

– Жужжен, – поправил терпеливо, хоть я заметила, как на тощей шее дернулся кадык.

Наверное, мирэль Селани вызывала в этом кузнечике, как и в его хозяине, сильные приступы раздражения. И если первый как мог пытался себя сдерживать, последний не утруждался демонстрировать показную вежливость.

– А мы давно знакомы?

– Больше, чем хотелось бы... – Поняв, что только что сморозил, дворецкий поспешил исправиться: – Прошло уже три месяца с тех пор, как мы впервые с вами свиделись.

Хотела спросить, при каких таких обстоятельствах мы могли здесь свидеться, если у хозяйина всего этого великолепия только при виде меня начинается обильное ядовыделение, но вовремя спохватилась. Этот любитель покашлять и пожужжать и так уже на меня косится с подозрением. Лучше не буду усугублять свое и без того «усугубленное» по самое не хочу положение.

Поэтому больше не стала задерживаться. Простившись с манишкой, замерла на крыльце, не зная, куда податься. Ну, до ворот, кованым узором темневших на фоне малахитовой листвы, я, конечно, доберусь сама, без подсказок. А вот дальше...

Из автомобиля с открытым верхом, этакого прадедушки кабриолета, показался уже немолодой, но с виду крепкий мужчина. Несмотря на то что погода в этом черт-его-знает-где стояла хорошая, и солнце даже припекало немного, упакован он был в костюм-тройку. И, наверное, всюю потел под многослойной одеждой.

Приподняв черное кепи, незнакомец чуть поклонился.

– Мирэль Тонэ.

Я облегченно выдохнула. Личный водитель – мое спасение! Вот только непонятно, зачем той, у которой есть прислуга, самой становиться прислугой? Ну даже если и няней, то все равно тем же обслуживающим персоналом.

Я села в машину.

– Куда теперь, мирэль Тонэ?

– Домой, – проронила негромко и поморщилась от головной боли: виски как будто прокалывало иголками.

Кивнув, водитель захлопнул дверцу и устроился за рулем. Машина покатила по мощеной улочке мимо роскошных особняков, утопавших в зелени фруктовых садов.

Наверное, Селани – очень известная актриса, какая-нибудь там суперприма, раз у нее есть даже личный шофер. Миша мне тоже все пытался такого в кепке и при галстукке навязать в комплекте с машиной. А я отказывалась, потому что не хотела, чтобы другие няни завидовали. Да и не привыкла чувствовать себя зависимой. От кого бы то ни было. Вот и вчера, посетив дорогой салон и оставив в нем половину зарплаты, решила, что лучше буду ходить домой пешком, чем кланчить деньги у папы или обращаться за помощью к Соколову. Ему только дай повод – снова начнет уговаривать бросить работу. Потому что, как любит повторять, он сам в состоянии меня обеспечить, а я просто бесцельно трачу время.

Но как же я без своих ребят?!

Не сдержавшись, громко шмыгнула носом. Миша, папочка, мамуля, моя малышня... Как вы там без меня будете? И если я здесь, то кто тогда там, в моем теле? Эта сердцеедка? У Селани на лбу написано – хищница и коварная соблазнительница.

У-у-у, мало мне было этой натуральной стер... брюнетки Лили!

Смутно помню, как добралась до чужого дома. Кто открывал входную дверь и кто вел меня по незнакомым хоромам. Когда в поле зрения попала кровать, я рухнула на нее не раздеваясь.

Закрыла глаза и, уже уплывая в сон, молила высшие силы скорее вернуть меня обратно домой.

Селани Тонэ

– Мируар Демаре, мируар Демаре, – звала актриса, силясь разомкнуть отяжелевшие, будто налитые свинцом веки.

Как же так вышло-то? Она, и потеряла сознание? Да она никогда не теряет сознание! За исключением тех случаев, когда ей это необходимо.

Селани поморщилась от неприятных ощущений, прошивших все тело, стоило ей пошевелиться. Голова гудела, как церковный колокол. Наверное, при падении сильно ударилась затылком о мраморные полы в холле, а этот глистообразный Жо... Жу... Жульен, в общем, не удосужился вовремя подхватить гостью.

И так всегда: является, когда его не просят, а когда нужен – не дозовешься.

– Мируар Демаре... Вы спасли меня... – томно выдохнула актриса, уверенная, что на помощь ей бросился не кто иной, как сам Алмазный король. Пусть она и легче перышка, но этому ходячему стручку фасоли, его дворецкому, не по силам тягать на руках такие «перышки».

Наверняка именно Фернан ее поднял, и вот она в его кабинете. Пытается вынырнуть из затянувшего все вокруг марева, а бахрома платья тем временем соблазнительно соскальзывает со стройных ножек, приоткрывая ее идеальные колени. О, один вид этих коленей способен свести с ума даже евнуха из гарема! А уж Фернана Демаре евнухом явно не назовешь. Самый завидный вдовец Ньерры (Жизель наверняка уже отдыхает на том свете), конечно, знает толк в женской красоте и уже успел по достоинству оценить ее прелести.

Селани томно застонала, незаметным движением пальцев стараясь подтянуть повыше платье, чтобы и кружево чулок не осталось без внимания. Кажется, у нее ничего не вышло, но она не стала заикливаться на этой мысли. Ей сейчас вообще было сложно на чем-то сфокусироваться. Даже глаза открыть не получалось.

...Говорят, у супругов Демаре последнее время отношения не ладилась. Быть может, потому Жизель и сбежала. Или ей помогли «сбежать»... Но уж она-то, Селани, знает, как нужно вести себя с *таким* мужчиной. Жестким, властным, неукротимым. Такие, как Фернан Демаре, не поддаются дрессировке. Но их можно очаровать, соблазнить и, возможно, даже со временем приручить. Селани надеялась стать неотъемлемой частью его жизни. Сначала просто няней для этой несносной кудрявой мелочи. А после, если повезет, и их мачехой. Не то чтобы мирэль Тонэ прельщала идея в свои неполные двадцать шесть превратиться в наседку... Но упускать возможность украсить безымянный палец обручальным колечком с бриллиантом, размеру и чистоте которого позавидует сама королева Ньерры, она не собиралась. Ради этого потерпит даже близняшек. А там, кто знает, может, получится их кому-нибудь сбегать...

Селани снова поморщилась. Только на этот раз не от боли, а от неприятных воспоминаний, незаметно прокрававшихся в разум. Последние два месяца она давала частные уроки актерского мастерства Жизель Демаре. Этой холеной стервочке, с которой был знаком Грегуар Фриэль. Тесная дружба с антрепренером «Ле Гранда» уже не раз выручала мирэль Тонэ. Грегуар подкидывал ей неплохие роли, а следовательно, и на заработок она не жаловалась. Узнав, что эта прожигательница жизни Жизель от нечего делать ищет себе учительницу, Селани убедила антрепренера рекомендовать именно ее.

До того как начала работать на Демаре, она видела фото Алмазного короля лишь на обложках журналов и первых полосах газет, а повстречавшись с Фернаном лицом к лицу, поняла, что сделает все возможное, чтобы познакомиться с ним поближе.

Поначалу Селани готова была довольствоваться даже скромной ролью любовницы. Вот только, несмотря на все ее ухищрения, мируар Демаре не спешил назначать тайные свидания. В дело шло все: откровенные платья, томные взгляды. Соблазнительно закушенные губы и даже мимолетные касания, когда они «случайно» сталкивались в коридорах. Селани видела, как в такие моменты в холодных голубых глазах мужчины вспыхивает темное пламя. Уж она-то знала, на что похожа мужская жажда, с трудом сдерживаемое желание. Но, наверное, наличие жены его отрезвляло.

А раз уж теперь жена пропала...

В своем успехе Селани не сомневалась.

– Мируар Демаре, – повторила она и, следуя своему плану, чувственно закусил губу.

И только тут поняла, что голос звучит как-то странно. Не просто хрипло – низко, басовито. И вместо юбки, которую все пыталась незаметно приподнять, оказалось, что все это время тщетно, как дура, задирала брюки. И голова по-прежнему раскалывается...

С трудом Селани удалось открыть глаза. Открыть и осознать, что она не в доме Демаре. А когда, поднявшись, она встретила взглядом со своим отражением, отпечатавшимся в высоком зеркале, закричала что есть силы.

– А-а-а!!! – Селани продолжала кричать, мечтая, чтобы скорее прекратился этот кошмар. – Этого не может быть! Это не я! Не я-а-а!!!

Актриса впиалась взглядом в резкие и почему-то такие знакомые черты мужского лица. Дрожащими руками принялась ощупывать себя, с каждой секундой все глубже погружаясь в пучину отчаяния.

Она – мужчина! Стопроцентный настоящий мужчина!

– Только не это, – глухо простонала Селани. – Только не я...

«Кто же, кто же, кто же ты?!» – запустив руки в короткие жесткие волосы и мечась по комнате, лихорадочно повторяла она.

Где она могла его видеть? Где?!

«Точно! – Селани запнулась. – В доме Демаре!»

Борясь с желанием зажмуриться, приблизилась к зеркалу.

Десмонд Шерро – друг Фернана. Очень близкий друг. И вот теперь она... в нем. А он тогда где?

– Но почему?.. Хмарь изначальная! За что?!

Селани выскочила наружу и, оттолкнув служанку, наверняка примчавшуюся на вопли хозяина, рванула по коридору.

– Нужно все исправить, – твердила она, задыхаясь. – Сейчас я найду себя и тогда...

Как поступит дальше, Селани не представляла, но точно знала, что надолго в этом теле она не останется. Вернет свою жизнь обратно!

Глава 2

Ягуар и ББИ

Ира Илларионова

Просыпаться не хотелось от слова «совсем». Не хотелось возвращаться в реальность, в которой вместо точечных светильников на потолке – вычурная хрустальная люстра, а сам потолок весь в лепных загогулинах. Дневной свет приглушают не жалюзи, а тяжелые шторы. И плазму на стене (подарок родителей по случаю начала самостоятельной жизни) заменяют картины.

Селани явно увлекалась авангардизмом.

А вон там ажурная ширма с перекинутым через нее пеньюаром и одиноко свисающим чулком в сетку. А вот здесь...

Перевела ословелый взгляд влево и едва не закричала, увидев рослую девицу, сидевшую в кресле.

– Мирэль Тонэ, как самочувствие? – участливо поинтересовалась девушка.

Должно быть, служанка, раз на ней строгое черное платье с рукавами-фонариками и белый фартук.

– Вроде бы лучше.

Хотя нет, вру. Хуже. От того, что проснулась все там же, точнее, неизвестно где.

– Мигрень больше не мучает?

– Мигрень не мучает.

А вот осознание, что застряла в чужом теле, еще как мучает. Прямо-таки истязает. Никаких плетей не надо.

– Это все из-за браслета, – обрадовалась моему ответу девушка.

Проследив за ее взглядом, я заметила на запястье Селани (временно моем запястье) украшение с прозрачным камнем. Его сердцевина, как перстень Демаре, излучала подозрительное мерцание.

Тварь изначальная! Магическая цапка!

Меня подбросило на кровати, как подаваемый ракеткой воланчик.

Или что он там говорил, тварь-хмарь? И почему я вспоминаю слова этого мерзавца? О нем вспоминаю... Вот гадство.

Браслет украсил собой тумбочку, а я перестала украшать собой кровать. Подскочила на ноги, решив, что хватит лежать. Пора отсюда выбираться.

– Ну что же вы? – заволновалась безымянная. – Зачем же сняли? Сами ведь говорили, что аурин помогает, когда голова раскалывается. Я его на вас и надела. Вы вернулись совсем больная.

– Мне уже легче, обойдусь и без браслета.

Я продолжала озиаться, не зная, с чего начинать освободительную кампанию самой себя из чужого тела и из чужого мира. Для начала, наверное, лучше переодеться во что-то более простое. Повседневное. Без выреза, из которого пышная грудь актрисы так и норовила вывалиться, и без висюлек, практически заменявших Селани юбку.

А еще надо будет подкрепиться. Об этом настойчиво напоминал урчащий желудок.

– Я бы хотела перекусить.

Девушка округлила глаза.

– Но вы же после трех никогда не едите!

– Это все из-за головной боли, – не растерялась я. – Она вытянула из меня все соки. Пожалуйста, принеси чего-нибудь. И побольше.

Есть и правда хотелось неимоверно. Должно быть, всему виной стресс.

Служанка продолжала удивленно на меня пялиться, и я поняла: нужно вести себя осторожней. В идеале – разузнать о привычках актрисы и, пока вынуждена быть ею, постараться привить их себе. Только невинные, конечно. Потому что поститься изо дня в день после трех – это насилие над телом.

Мне снова вспомнился разговор конкурсанток в доме местного Аль Капоне. Не хочу быть ни без вести пропавшей, ни трудиться во благо Ньерры на шахтах. Вообще не хочу иметь ничего общего с этим миром.

После ухода служанки я приступила к знакомству с апартаментами мирэль Тонэ. Одна из светлых дверей вела в не менее светлую ванную. Другая вела в гардеробную, едва ли уступающую размерами спальне.

Сколько же тут было тряпок! Десятки, если не сотни платьев, плиссированных юбок и воздушных блуз. Уже не говорю про обувь и аксессуары. Одна стена была сплошь завешана шарфиками! меховыми, перьевыми, из пайеток и шелка. Бесчисленные коробки со шляпками и футляры с перчатками громоздились на тянущихся к лепным сводам полках. Все вызывающе яркое, кричащее. С трудом удалось отыскать простое темно-зеленое платье, а к нему сумочку из, подозреваю, змеиной кожи.

Переодевшись, я не без опаски приблизилась к туалетному столику и, плюхнувшись в кресло, взглянула на свое отражение. Поежилась. Потом, вздохнув обреченно, пригладила растрепавшиеся после сна волосы. Чтобы слиться с образом, заглянула в первую попавшуюся шкатулку и повесила на шею жемчужные бусы. Надавив на помпу, пшикнула на себя парфюмом. Это была одна из многочисленных бутылочек, красовавшихся на трехъярусной стеклянной горке, словно пирожные макароны в витрине маленькой французской кондитерской.

Служанка все не появлялась, и я продолжила рыться в вещах актрисы. Повдвигала ящики секретера в поисках чего-то, что помогло бы ближе с ней познакомиться. Но вместо Селани неожиданно для самой себя лучше узнала Фернана Демаре. Владельца всемирно известного ювелирного дома и самого большого алмазного карьера во всей Эоне. В общем, местного Креза.

Со страницы газеты на меня хмуро, тяжело, как несколько часов назад в кабинете, взирал Алмазный король. По крайней мере, так его называл неизвестный журналист.

«Загадочное исчезновение Жизель Демаре», – гласил заголовок на первой полосе.

Схватив газету, я заскользила по строчкам взглядом. Статью проглотила, можно сказать, не жуя, и чуть ею не подавилась.

Вот, значит, как! У Демаре таинственным образом пропала жена. Подозреваемых нет, но газетчик как бы между прочим отмечал, что в последнее время отношения у супругов были так себе. Напряженные. Если не сказать взрывоопасные. «Они часто скандалили, в том числе на людях», – заявлял автор статьи.

Дочитать я не успела, потому что в комнату снова вплыла служанка.

– Мирэль Тонэ, вас к телефону. Грегуар Фриэль, – заговорщицки понизив голос, произнесла она, потом приподняла брови и добавила: – Кажется, сердится.

Грегуар. Фриэль.

Кажется, сердится.

Кажется, мне нужна записная книжка, потому что у меня скоро голова треснет от всех этих мируаров, ягуаров и жужженов. Интересно, у Селани есть записная книжка? И почему на нее все сердятся, хотелось бы знать.

– Сейчас подойду. – Я отложила газету и поднялась. Чуть не навернулась со шпилек и увидела, как у служанки округлились глаза. – Не выпалась, – пояснила, оглядывая себя в зеркале.

Не объяснять же ей, что вся моя обувь – это балетки, туфли-лодочки с детским каблуком или сабо на невысокой платформе. А зимой и подавно ходить по нашим улицам в сапогах на каблуке может только профессиональная каскадерша или модель, проутюжившая с десяток подиумов. Снег у нас убирают по большим праздникам, а лед скалывают еще реже.

Стоило вспомнить про снег и лед, как память услужливо нарисовала родной район, дома-девятиэтажки и громяющие по проспекту трамваи. Наверное, специально для того, чтобы мне захотелось домой еще больше. Обнять Мишку, рассказать ему эту сумасшедшую историю и вместе над ней посмеяться.

Так, все.

Сейчас не время беречь себе душу. Сначала поговорю с Грегуаром, потом подумаю о том, как отсюда выбираться. Пока меня не отловили и не отправили в каменоломни. Ну или еще куда-нибудь.

Только тут я поняла, что понятия не имею, где в этом доме телефон. Явившись с собеседования, я в трансе прошла вслед за кем-то (подозреваю, что как раз за служанкой) до спальни, поэтому даже приблизительно не представляю, куда мне сворачивать. А сворачивать было куда! Высунув нос из спальни, я обнаружила, по меньшей мере, три пути: направо, налево и прямо, совсем как в сказке.

Искренне надеюсь, что сказка не будет страшной.

Учитывая, что коридор расходился направо и налево, решила пойти прямо и не прогадала: «прямо» вывело меня к лестнице. Последняя туго накрученным локоном уходила вниз, а внизу, в холле, стоял... телефонный аппарат. Иначе этот бронзовый антиквариат с массивной трубкой и диском для набора назвать было нельзя. Телефон обнаружился на столике, рядом с которым расположился небольшой полосатый диванчик, на него я и приземлилась.

Во-первых, стоять на таких шпильках долго я не могла, а во-вторых, лучше сразу сесть, потому что мало ли что услышу. Подхватила трубку и чуть не выронила снова: с непривычки выдающийся рожок впечатался в подбородок.

– Мм... да?

– Селани! – рявкнули из трубки мужским голосом. Высоковатым, на мой вкус, но весьма грозным. – Ты почему не на репетиции?

Репетиция?!

– Я...

– Я-а-а-а! – передразнили в трубке. – Немедленно в «Ле Гранд»! Ко мне в кабинет!

Прежде чем я успела вставить хоть слово, мне в ухо что-то щелкнуло, но, вопреки привычным коротким гудкам, воцарилась тишина.

– Эй? – на всякий случай позвала я.

Поскольку мне не ответили, вернула трубку на рычаг. Только сейчас заметила, что в самой сердцевине диска мигает камушек. Сияющий такой.

В общем, все понятно. Магический телефон.

Еще понятно, что начальство во всех мирах одинаково. Непонятно только, что мне делать с репетицией, потому что актриса из меня как из слона балерина. И то, мне кажется, из слона балерину сделать гораздо проще. Тот случай с новогодним утренником был не единственным, в школе меня попытались включить в спектакль на роль служанки для мачехи Золушки. Я вышла на сцену, увидела полный зал учителей, родителей и школьников и залипла. К счастью, не растерялась одноклассница, которая играла мачеху, она пинками выпроводила меня со сцены за нерасторопность и спасла спектакль.

В общем, в том, что касается актерского мастерства, Ира Илларионова – полный профан. И ведь умею общаться с людьми, с детьми вообще чувствую себя замечательно, но когда вижу толпу, к которой надо обращаться и что-то говорить, – меня как будто вырубает. Я либо начинаю нести полную чушь, либо молчу и глазами хлопаю. Подозреваю, что это из-за той выво-

лочки, которую мне дядя Игорь после елки устроил, но справиться с детской травмой пока не могу.

Еще подозреваю, что вряд ли такое оправдание устроит звонившего, но надо что-то решать. Пока я не знаю, как вернуться в свой мир, игнорировать этот, по меньшей мере, глупо. Но даже если бы мне это удалось, я сейчас не в своем теле, и настоящая Селани не заслуживает проблем, в которые я вляпаюсь, пока она... гм, отсутствует. По идее, если я вернусь в свой мир, она вернется сюда...

Ой.

При мысли об этом я окончательно уверилась в том, что нужно ехать.

Хотя бы потому, что мне не хотелось бы вернуться домой и обнаружить, что меня уволили и что заведующая при виде меня крутит у виска пальцем.

Решено!

Сейчас поеду в театр, поговорю с начальством Селани и попытаюсь объяснить, что я нездорова. Не знаю, устрицами отравилась. Или чем у них тут травятся... Это позволит выиграть время, пару дней, например, а потом я (надеюсь) найду способ вернуться домой.

– Накрыли обед, мирэль Тонэ. – Служанка возникла рядом со мной. – Все, как вы любите: на крыше, с видом на площадь.

Все, как я люблю!

– Я передумала, – сказала, прикидывая, как бы узнать ее имя. – Еду в театр. Предупреди водителя, пожалуйста.

Девушка кивнула.

– Хорошо, сейчас скажу Луарду.

Судя по тому, что она ничуть не удивилась, «передумала» для Селани было обычным делом, а я в очередной раз вспомнила о записной книжке.

Луард водитель, водитель Луард. Это я повторяла, пока поднималась наверх.

Сборы много времени не заняли, на туалетном столике Селани Тонэ обнаружилось все необходимое. Пудра сделала лицо бледнее, губы я красить не стала, еще слегка растушевала под глазами темные тени, из-за чего стала похожа на жертву маньяка или панду в стиле ретро. Ну ладно, до панды я по габаритам недотягивала, а вот до жертвы маньяка – вполне, особенно если с воплями носиться по дому.

На выходе меня встречал Луард, который слегка округлил глаза. Тактично кашлянул, но все-таки распахнул передо мной дверцу.

– Мирэль Тонэ.

Я опустилась на мягкое кожаное сиденье, отметив навесную крышу, сверкающий ослепительной белизной лак и хром на ручках.

Водитель повторно округлил глаза, но снова ничего не сказал. Обежал машину, я же старалась не пялиться на старинный, торчащий из пола рычаг и руль в кожаной оплетке. А вот ключей здесь вообще не было, но в следующую минуту я уже поняла, как она заводится. Едва опустившись на сиденье, Луард достал из кармана камень и вставил его в небольшое углубление на панели рядом с рулем. Ромбовидный камушек вспыхнул, рассыпая сияние, и автомобиль ожил.

Мы прокатились по подъездной дорожке до распахнутых ворот и выехали на улицу.

Сейчас, когда моя голова больше не напоминала чугунный колокол, я прилипла взглядом к стеклу. Сначала замелькали аккуратные домики, все как на подбор трехэтажные, словно соревнующиеся друг с другом по вычурности отделки и красоте завитушек на тяжелых воротах. Я даже вывела формулу: чем больше завитков на решетке, тем больше позолоты на фасаде, а еще лепнины и прочей отягчающей архитектурный стиль красоты.

Из обилия злата и сияния мы выехали на улочку, ведущую вниз, и я сразу забыла обо всем на свете. Дорога шла под гору, а внизу открывался такой вид, что перехватывало дыха-

ние. Безбрежное море переливалось всеми оттенками синего и бирюзы. Смягченная слепящим солнцем вода напоминала растянутое на ткацком станке полотно, по которому изредка проходила легкая рябь. Я настолько засмотрелась на эту красоту (в отличие от позолоты и лепнины, совершенно естественную), на подступающую к кромке воды нитку берега, на которую были нанизаны бусины вилл, на белые пятнышки яхт, на возвышающиеся над ними горы, что чуть не пропустила появление «Ле Гранда».

Огромные буквы были отлично видны даже с большого расстояния.

Театр был расположен на набережной, на огромной, уходящей в воду площадке и напоминал... алмаз. В том, что здесь все помешаны на драгоценных камнях с магической составляющей, я уже убедилась, но понятия не имела, что настолько. Театр-алмаз стоял на острие, из-за чего создавалось впечатление, что он парит над окружающей его площадью. Сама площадь представляла собой круг, к которому с воды протянулись ниточки причалов, а с суши – подъездные дорожки. К одной из таких мы и спустились, петляя по склону холма, и чем ниже, тем больше алмаз вырастал над нами.

А он точно не грохнется?

Я поняла, что спросила это вслух, когда водитель в очередной раз на меня вылутился.

– Я что-то не то сказала?

– Вы сегодня немного странная, мирэль Тонэ.

– Это почему же? – решила сразу уточнить, что делаю не так.

– Во-первых, вы никогда не садитесь на переднее сиденье.

– А во-вторых?

– А во-вторых, с чего бы ему падать? – Луард покосился на меня. – Его держит магия кольца из девяти ардунийских камней.

Ну кто бы сомневался.

– Я пошутила. По-шу-тила, Луард! Представляете, что будет, если он грохнется?

Водитель покосился на меня.

– Погибнет много людей.

Да, с чувством юмора у Луарда туго.

– Еще вы никогда не называли меня Луардом и не выходили из дома, если... – Он замялся, – неважно себя чувствуете.

А у меня туго с конспирацией. Ладно хоть грим под панду удался. То есть под «неважно чувствующую себя девушку».

Приободрившись этой мыслью, решила по возможности меньше говорить и больше слушать. Машина вкатилась на подъездную дорожку и остановилась у самого острия. Отсюда, конечно, это было никакое не острие, а вполне квадратное основание. Огромные стеклянные двери вели в холл со всех четырех сторон, и если сооружение такое шикарное снаружи, я даже не представляю, какое оно должно быть внутри.

Кстати, о «внутри».

– Проводите меня к мируару Фриэлю? – слабым голосом попросила я и для достоверности потеряла виски. – Я действительно не очень хорошо себя чувствую и буду очень вам признательна.

– Разумеется, мирэль Тонэ.

Вот и чудесно.

– Только сначала мне нужно будет отогнать автомобиль. Здесь запрещено парковаться.

Кивнула и, стоило водителю подать мне руку, задрала голову. Снаружи «алмаз» был непрозрачным, а вот внутри... Внутри все выглядело роскошно. Огромный холл переливался от проникающего сквозь грани солнечного света, из-за чего узоры на мраморе казались золотыми. Колонны, щедро увитые лепниной, хрустальные люстры, лестница и лифты, а еще бал-

коны, перила которых представляли собой сделанные из золота завитки. Не успела я как следует проникнуться помпезностью «Ле Гранда», как ко мне подлетел Луард.

– Мирэль Тонэ! Что вы здесь делаете? Нам же нужен служебный вход.

Ах да. Служебный вход.

– Зашла полюбоваться. – Я капризно надула губы. – Мне так редко удается посмотреть на театр глазами зрителя...

Луард пробормотал что-то неразборчивое и потянул на себя тяжелую ручку, открывая передо мной дверь.

Служебный вход оказался за алмазом, и, коротко поздоровавшись с администратором в форменной одежде, я оперлась на руку водителя. К счастью, по пути нам никто не попался, и у кабинета звонившего мы оказались в считанные минуты. За это время я успела насладиться мягкостью ковровой дорожки, поглощавшей стук каблуков, поглазеть на бесчисленные настенные светильники в форме алмазов и хотя бы приблизительно сложить в голове план разговора.

Я опоздала на репетицию, потому что приехала домой и неважно себя почувствовала. Вот только прилегла на минуту-другую, как провалилась в сон и забылась, поэтому я очень-очень прошу меня извинить и предоставить отпуск за свой счет, ну или как это у вас там называется, но мне вот позарез нужно вернуться в свой мир. То есть отдохнуть буквально пару дней, после чего я свеженькая как огурчик вернусь и сыграю роль так, что все упадут.

На этой оптимистичной ноте я действительно поверила в то, что у меня все получится, поэтому, даже когда мы затормозили у массивной двери с тяжелой бронзовой ручкой, подвоха не заподозрила. Водитель с явным облегчением от меня отцепился и, кивнув, – мол, жду снаружи, ретировался, а я постучала и вошла в кабинет. Точнее, сначала в приемную.

Сидевший за столом секретарь поднял голову, но тут же поморщился и ткнул в сторону соседней двери.

– Ждут-с.

Я рванула на себя дверь и вошла, не забыв предварительно прижать пальцы к виску:

– Мируар Фри... – начала было я, но договорить не успела.

Во-первых, кресло за столом пустовало. А во-вторых, меня притянули к себе так резко, что я не успела даже пикнуть. Облапали за нижние девяносто (или сколько там было у Селани), а потом ткнулись горячими губами в шею.

Да, к такому повороту событий жизнь меня не готовила.

И к такому тоже: когда мужская рука скользнула под платье, задирая подол, я извернулась с несвойственной мне сноровкой и отскочила в сторону. Это дало возможность наконец-то рассмотреть владельца кабинета (а может, и всего театра, судя по табличке «антрепренер» на обратной стороне двери). Невысокий, едва достающий Селани макушкой до подбородка, широкоплечий, с намечающимся пузиком, которое, однако, пока еще удерживали плотно застегнутая рубашка и пиджак. Темные волосы были аккуратно зачесаны назад и так щедро пропитаны гелем, что я не представляла, как он их вечерами расчесывает. Лицо – скорее привлекательное, с крупными чертами и особенно выдающимся вперед носом с горбинкой, губы не по-мужски мягкие, а глаза... глаза сверкают, и что-то мне это совершенно не нравится.

– О-о-о, мой фидруарчик хочет поиграть? – произнес мужчина, вскинув густые брови.

Фидру... кто? В следующую минуту меня перестало это интересовать, потому что, хитро подмигнув, он повернул ключ в замке и двинулся в мою сторону.

– Послушайте, мистер... мессир... мируар...

– Какая ты сегодня игривая! Грег, Ани, для тебя просто Грег... Но я не возражаю, если ты будешь звать меня мируар Грег.

А вот это уже катастрофа!

Я попятилась, наткнулась пятой точкой на стол и проехала на ней вправо.

– Р-р-р! – изобразила оголодавшего тигра надвигающаяся катастрофа. Даже пальцами шкрябнул по воздуху для достоверности.

Не знаю, есть ли в этом мире дикие кошки, но дикие антрепренеры точно водятся.

– Мируар...Грегуар...

На меня попытались прыгнуть, оказавшись прямо у стола, я соскользнула с уголка, но больше ничего сделать не успела. На сей раз меня сграбастали в объятия с такой силой, что перехватило дыхание, а потом на этот самый стол вернули, и что-то мне подсказывало, совсем не для того, чтобы поговорить о репетиции.

– Р-р-р...

Шлеп!

Я вовремя подхватила первую попавшуюся папку, которую антрепренер поцеловал вза-сос, а следом стоявший поблизости графин, содержимое которого переключало прямо на пылающего от страсти мируара-ягуара. Взвыл он совершенно по-человечески, после чего как ошпаренный отскочил от меня на пару метров.

Я же, наконец почувствовав свободу, твердо вскочила на ноги (насколько позволяли каблуки): в одной руке папка, в другой графин. Кажется, идея с «плохо себя чувствую» бездарно провалилась.

– Совсем с ума сошла?!

– Назад! – предупредила воинственно.

– Ну, разумеется! – Он выдернул платок из кармана пиджака с таким треском, что чуть не оторвал сам карман, и принялся вытирать залитое водой лицо. – Думаешь, построила глазки Демаре, и он уже у твоих ног? Так вот, моя дорогая Ани, это не про него!

– Демаре?

Демаре!

– Не строй из себя невинность! – рыкнул он, багровея до перезрелого томата в стадии «сейчас брызну». – Луард позвонил мне сразу, как вы вернулись, и рассказал, что ты сегодня ездила к Демаре! Думаешь, я не понимаю, что это значит?

Ну почему же, я понимаю. Луард, помимо водителя при Селани, подрабатывает стукачом, а Селани, кажется... Тоже подрабатывает.

– Полагаю, не стоит напоминать, что дом, в котором ты живешь, принадлежит мне! – Грегуар вскинул вверх свой похожий на толстую сосиску палец. – И не только дом, но и платье, в котором ты сейчас вертишь своим соблазнительным задом направо и налево, и туфельки, и чулочки, и диадема...

Да поняла я, поняла: Селани вся его с потрохами. Содержанка.

– Помимо этого, – антрепренер отогнул второй палец, – актриса из тебя никакая! Ты ни одной роли толком не вытягиваешь, на тебя уже жаловались все кому не лень!

– За что? – поинтересовалась я, стратегически отступая к двери.

Мне сейчас, главное, в приемную выбраться, пока он опять не решил, что я с ним кокетничаю.

– За что?! Ты играешь медсестру в военном госпитале, а ведешь себя, как танцовщица из кабаре!

Он шагнул было ко мне, но я вскинула руку с графином, и Грегуар остановился.

– Значит, так! Либо ты сейчас же обещаешь мне, что больше никогда... слышишь, никогда ни на шаг не приблизишься к дому Демаре, либо ты уволена!

В общем-то пообещать я могла (не имею ни малейшего желания приближаться к дому Демаре), но после этого мне вряд ли удалось бы обойти антрепренера по окружности: в процессе этого маневра Грегуар крутился вокруг своей оси, ни на миг не выпуская меня из виду. Только оказавшись у двери, я водрузила графин на секретер, а папку на всякий случай по-прежнему держала в руке.

Прости, Селани, но, кажется, тебе придется искать новую работу.

– Ладно, – сказала и быстро повернула в замке ключ.

– Ладно?! – взвыл Фриэль не своим голосом, но я уже толкнула дверь и выскочила из кабинета.

Секретарь, завидев меня, снова скривился, а в следующую минуту подскочил.

– Ты пожалеешь! – Вслед за мной вылетел антрепренер «Ле Гранда». – Слышишь, Селани, ты пожалеешь!

Уже жалею, ага. Вот прямо сейчас и жалею.

– У тебя есть сутки, чтобы убраться из моего дома!

Я остановилась, словно на невидимую стену налетела.

Обернулась, чтобы встретиться с торжествующим взглядом Грегуара и поймать отвисшую челюсть секретаря. Тоже взглядом, разумеется, потому что чужие челюсти не моего ума дело. Точно так же как и чужие дома, и чужие любовники! Мелочные, к слову сказать.

Я протопала обратно мимо секретаря: он снова опустился за стол и подпер подбородок руками. Видимо, чтобы все-таки не потерять челюсть. Выразительно посмотрела на антрепренера, который уже праздновал победу, и безразлично произнесла:

– Да пожалуйста!

– Не только дом, слышишь, Селани?! Всю одежду, все драгоценности, которые я тебе подарил!

А я что говорила? Мелочный жлоб!

– Подавись! – отмахнулась.

– Заберешь хоть что-нибудь – заявлю в полицитариат!

– Не заберу, – хмыкнула я. – Оставлю тебе все платья, будешь надевать на светские приемы. С чулочками в сеточку.

Теперь челюсть отвисла у Грегуара.

Секретарь следил за происходящим со всевозрастающим интересом. Тонкие усики на треугольном лице подергивались, словно он, как мышь, принюхивался к свежей головке сыра.

– Будешь ходить пешком и спать под мостом! – рявкнул антрепренер.

– Лучше спать под мостом, чем спать с тобой! – парировала в багровое лицо.

Сунула папку, которую чуть не утащила с собой, ему в руки, после чего развернулась и направилась к дверям.

– Сегодня же съедешь! – ударило мне в спину волной антрепренерского гнева. – Прямо сейчас! Ключи Луарду отдай!

Но я уже вылетела за дверь, кипя от негодования. Так хлопнула ей, что у самой зазвенело в ушах, а после устремилась по коридорам предположительно в сторону, откуда меня привел Луард. Честно говоря, его сейчас тоже видеть не хотелось, особенно после того, что я узнала. Увы, выхода у меня не было, но позволить себе пятнадцать минут без Грегуаров, их прихлебателей и прочих я точно могу.

Основательно поплутав по коридорам, я все-таки вышла в холл, в тот самый, куда забрела, совершенно забыв о служебном входе. Мне распахнули дверь, и я устремилась на свежий воздух, уж что-что, а воздух здесь был действительно свежий. Пронзительный, звенящий, напоенный солью и солнцем.

Цокая каблуками по плитам, которыми была выложена площадь, приблизилась к металлическому парапету. Находился «Ле Гранд» довольно высоко, внизу камень облизывали волны, и я подумала, что в случае шторма театр наверняка защищает то же самое кольцо. Справа протянулась длинная лента набережной, слева – пляжи, за которыми вырастали очертания роскошных вилл.

Поздравляю, Ира, ты ББИ – Бездомная Безработная Иномирянка.

И что с этим де...

Развернувшись, чуть не кувыркнулась от неожиданности за парапет: прямо на меня наступал внушительного роста мужик.

Глава 3

Сигарные разговоры

Фернан Демаре

Фернан отвлекся от изучения отчета по шахтам на восточном побережье и взглянул на часы. Большие, напольные, из темного дерева, с серебряным маятником и стрелками, показывающими время даже в темноте. Они, по словам антиквара, были старинными и единственными в своем роде. Именно поэтому Жизель, не раздумывая, отвалила за них двенадцать тысяч бронеов на аукционе. Она любила все эксклюзивное и без сожаления тратила деньги на раритеты. Правда, для гостинной часы не подошли, в холле тоже в интерьер не вписались, зато сразу прижились в кабинете.

Фернану они нравились тем, что всегда показывали точное время, никуда не спешили, но и не опаздывали, работали без сбоев. Если бы все люди были так же точны, мир, без сомнения, стал бы лучше.

Вот и сейчас стрелки замерли ровно на четырех часах пополудни.

Его девочки познакомились с новой няней в обед, и в доме пока все спокойно. Это означало, что чутье не подвело его и на этот раз. Оно вообще редко его подводило, и алмазная империя была тому подтверждением.

Прекрасно. Просто прекрасно.

Фернан вернулся к отчету и потянулся к оставленной в пепельнице сигаре, но не успел поднести ее к губам, как стол дернуло, пепельница опрокинулась на пол, а его самого подбросило в кресле.

По дому ураганом пронесся сильнейший магический всплеск, и шел он со стороны сада, где в это время обычно гуляли...

Девочки!

Фернан забыл и про сигару и про отчет. Вообще забыл обо всем на свете. Расстояние до холла он преодолел в считанные секунды, где и столкнулся с дворецким, перепрыгивающим через ступени ведущей на второй этаж лестницы.

– Этиль, что произошло?

– Бассейн, мируар Демаре! Механизмы отказали... и вода...

– Где девочки?

Вопрос был риторическим, потому что через минуту они уже оказались во внутреннем дворе.

Гигантский бассейн тоже был гордостью его жены, спроектированный каким-то всемирно известным дизайнером. Расположенный на возвышении, он занимал несколько ярусов, имитируя пороги горной реки. Глубина на всех ярусах была разной: наверху располагались мелко-водные чаши, внизу – глубокие. Самая нижняя была утоплена в землю, создавая впечатление, будто находишься на берегу лазурного озера.

Увы, теперь в его доме бассейна не стало. Вода низвергалась с высоты подобно бушующему водопаду, смывая на своем пути розовые кусты, заливая землю до самой веранды. В этом Фернан убедился, когда спустился с крыльца и вступил в лужу. Выругался, пытаясь охватить взглядом всю видимую часть сада.

Где же они?!

– Па-ап! – крик донесся откуда-то сбоку.

Повернувшись, он заметил парящие в воздухе сферы, напоминающие мыльные пузыри. В них, словно в коконах, застыли близняшки.

Фернан коснулся перстня на пальце, и сферы притянуло к нему, будто магнитом. Плавно опустило на крыльцо, на которое он взлетел в одно мгновение. Сферы лопнули с тихим «дзинь», и девочки с плачем бросились к отцу. Уткнулись заплаканными лицами ему в штанины и наперебой стали жаловаться. Вот только сквозь детские рыдания было сложно что-либо разобрать.

Фернан опустился, обнял близняшек и строго сказал:

– Тихо!

Аделин икнула и заплакала еще громче, Кристин же распахнула голубые глаза и посмотрела так испуганно, что у него дрогнуло сердце. Вот и как с ними проявлять строгость?

– Кристин, Аделин, – Фернан постарался, чтобы голос звучал мягче, – объясните, что случилось.

– Вода рванула! – всхлипнула первая.

– Как фонтан... Прямо в небо!

– А потом вниз как хлынет! Чуть нас не задела!

– Мы так испугались, – добавила вторая.

– Очень! Но активировали сферы...

– Как ты и просил. – Девочки синхронно коснулись миниатюрных колечек на пальчиках.

Близняшки все время общались вот так: дополняя друг друга, добавляя подробности, а иногда и вовсе одна заканчивала начатое другой.

– Молодцы, – похвалил их Фернан. Кольца были его идеей, они защищали девочек от неожиданностей. Вроде этой.

Осталось понять, что вообще произошло. Но с тем, почему механизм вышел из строя, он разобраться успеет.

– Где мирэль Барр?

Близняшки насупились.

– В бассейне.

– Что?!

– Она предложила нам с ней поиграть! – выпалила Аделин.

– Ага, – поддакнула Кристин, комкая платье. – И мы согласились.

– Она погналась за нами.

– И поскользнулась.

– И упала в бассейн! – горестно закончили обе хором.

Фернан едва сдержался, чтобы не выругаться снова. Но не при детях же.

– Где она сейчас?

– Мируар Демаре! Мируар Демаре!!! – ворвался в их разговор голос Жужжена.

Вот и няня нашлась.

Дворецкий как раз вытаскивал женщину из бассейна. Упираясь ногами в скользкую землю, помог ей выбраться и усадил на скамейку. В отличие от няни, не перестававшей дрожать и кашлять, платья близняшек и их темные кудряшки совсем не намокли.

– Мирэль Барр, как получилось, что вы играли с детьми в потенциально опасном для них месте?

– Потенциально опасном? – взвизгнула няня, вскочив на ноги и прижимая к себе пиджак дворецкого, который тот набросил ей на плечи. – Это ваши дети потенциально опасны, мируар Демаре!

Ее макияж потек, оставив некрасивые следы на щеках, отчего новоиспеченная гувернантка стала похожа на пятноглаза, что водился в восточных лесах. Глаза ее лихорадочно блестели, а указательный палец был обличительно направлен в сторону девочек.

– Они... Они – это просто кошмар! Я воспитывала многих детей, но нормальных! И те не толкали приличных людей в воду!

– Мы вас не толкали! – воскликнула одна из девочек.

Фернан не разобрал кто, потому что в тот момент пристально изучал няню.

– Осторожнее, мирэль Барр, – обманчиво спокойно произнес он. Так спокойно, что у Жужжена дернулся правый глаз. – Вы сейчас говорите о моих детях.

– Это не дети, мируар Демаре, – не унималась она, – а маленькие чудовища! Они не только толкнули меня в бассейн, но и сделали так, чтобы он взорвался. Вы даёте им магические кристаллы и позволяете творить невесть что. Я бы на вашем месте задала им хорошую трепку!

Фернан смерил мирэль Барр тяжелым взглядом. К тому моменту раздражение уже перешло все мыслимые границы и прорвалось рычанием сквозь сжатые зубы:

– Предлагаете мне наказывать детей?

– Увы, другие методы здесь бессильны.

– Я больше не нуждаюсь в ваших услугах.

– Что?! – ахнула мирэль Барр.

– Вы уволены.

Дальше он слушать не стал, велел слуге проводить несостоявшуюся воспитательницу из особняка.

Пара часов. Это был рекорд. К тому же ситуация была довольно нетипичной, потому что на этот раз он сам уволил няню. Обычно те уходили без его вмешательства. Некоторые даже сбежали, не попрощавшись.

– Пап, мы не нарочно, – хлопнула носом Аделин, подергав его за штанину.

– Не верь ей, пожалуйста, – невинно взмахнув ресницами, попросила Кристин.

На доверчивых мордашках отражалось вполне искреннее раскаяние. Опустившись на корточки, Фернан подхватил своих крошек, хрупких, как цветы из оранжереи, на руки. Одним рывком. И они завизжали теперь уже от восторга.

– Ну и что на этот раз? – устало поинтересовался он.

– Что? – хором спросили девочки.

– Чем вам няня не угодила?

Они переглянулись, словно общались мысленно, и Кристин слегка кивнула.

– Она слишком строгая, – наморщила носик Аделин, в глазах которой больше не было ни слезинки.

– И не любит играть.

– Совсем.

Как и все предыдущие. Мало кому хватало терпения и сил совладать с таким неутомимым дуэтом. Кто бы мог подумать, что будет так сложно найти женщину, которая любит играть? Играть...

Почему-то в голове возник образ Селани Тонэ. Возник и отказывался ее покидать.

«Когда они начинают сходить с ума, я умею установить границы». – Эта фраза отчетливо отпечаталась в памяти. Как и все подробности их разговора.

Похоже, играть мирэль Тонэ все-таки умела. Он сам почти поверил в ее слова.

– Ты поиграешь с нами, пап? – вернул его в реальность звонкий голосок Кристин.

– Вы же знаете, вашему отцу нужно работать, – вздохнул Фернан.

– Пожалуйста! – сложила ладошки Аделин. И они обе посмотрели на него огромными, чистыми, как небо над Лазурным берегом, глазами.

На столе его дожидался отчет по шахтам и еще много всего. Но в сознание занозой впились слова клятой актрисульки о том, что у него нет сердца.

У него есть сердце!

– Хорошо, – кивнул он. – Но недолго.

Близняшки радостно обхватили его руками за шею и прижались еще крепче.

А Фернан подумал о том, что ему снова нужна няня. И чем скорее, тем лучше.

Ира Илларионова

Секунду или две мы буравили друг друга взглядами. А потом он, издав воинственный клич, бросился ко мне.

Мама мия, Санта Лючия! А этому-то что от меня понадобилось?!

Выражение лица самое что ни на есть зверское, глаза навывкат. Как еще слюна изо рта не капает. Рычит не хуже бульдога. И зубы так натурально скалит...

Чувствуя себя красной тряпкой, на которую прет разозленный тореадором бык, я тоненько пискнула и, не придумав ничего лучшего, попыталась перелезть через парапет. Глупо, конечно, если не сказать безумно, но в тот момент контролировать свои поступки мне было сложно, вот я и полезла.

– Ненормальная! – совсем не по-мужски завизжал этот потный детина, подлетая ко мне. – Ты что творишь?!

– От вас спасаюсь. – Платье-чехол и шпильки не придавали мне маневренности, поэтому перелезть я никуда не успела. К счастью, наверное. – Не подходите! – Испуганно отскочив, на всякий случай выставила вперед руку и замахнулась сумочкой.

Небось еще один селаниевский ухажер. Как будто мне было мало месье Яго. То есть Ягуара. Тьфу ты! Грегуара!

– Ты была на репетиции?! – не впечатлившись сумочкой, зашипел незнакомец.

Сжал руки в кулаки (одним таким можно запросто отправить в нокаут) и продолжил свое наступление.

А я – отступление.

– Не была. – Отодвинулась еще на шаг, потом на два и едва не застонала, когда каблук угодил в выбоину в плитах и, судя по подозрительному треску, не выжил.

– А что же Грег... Ну, я имею в виду, мируар Фриэль?!

– А мируар Фриэль, наверное, был. – Съежилась под полыхнувшим безумием взглядом.

– Ты виделась с ним? Что он тебе сказал?! Нет! Что *ты* ему сказала?!

– Что... увольняюсь? – Огляделась по сторонам, гадая, как бы половчее скинуть туфли, чтобы было удобней бежать до театра. Выражение лица сталкера, зачехленного в элегантный клетчатый костюм-тройку, если честно, пугало.

– Дура! – взвыл черноволосый, да так громко, будто ему только что на большую мозоль наступили или Луард проехал по ноге колесом. – Какая же ты дура! Ты все испортила!

К чувству страха прибавилось раздражение. Ну, знаете ли. Нападает, пугает, оскорбляет. Наверное, и правда настало время звать Луарда.

Чем я и пригрозила. Водитель ростом и шириной плеч будет не меньше этого бугая.

– Все, адью, – попрощалась холодно. Доломав каблук, прихрамывая, поковыляла в сторону театра. Там ведь должна быть какая-никакая охрана.

– Постой! – удержал меня за руку мужик в клеточку, вызвав в моем теле массовое самоубийство последних оставшихся в живых нервных клеток. – А как прошла встреча с Демаре? Только не говори, что ты и на собеседовании провалилась! Он тебя взял?

Да чтобы всякие Демаре меня брали?!

И куда только мысли сползают...

– Извините, а вам что за дело? – Дернула локтем в попытке сбросить ручищу преследователя.

– Какое ты произвела на него впечатление? – не обращая внимания на мои попытки от него избавиться, продолжал докапываться подозрительный тип, пяля на меня свои темные, горящие нездоровым любопытством глаза. – Ему понравилось? О чем он тебя спрашивал?

– Не знаю, понравилось ли мируару, а вот мне однозначно нет. Всего доброго, сэр.

На этот раз незнакомец не стал меня задерживать, но и оставлять в покое тоже не спешил. Шел следом и назойливо дышал в затылок.

– Ладно, сам-а... Я сам! Разберусь. А ты сиди пока дома и никуда не высывайся! Тебе ясно?!

Легко сказать «сиди дома». Не высывайся. А как мне в нем сидеть, если у меня больше нет этого самого дома? Тело забрали, из мира родного выбросили. Теперь вот еще и из чужого дома выставляют. И куда мне здесь бедной податься? К кому?

Я никогда себя не жалела, слезы лить не любила, но в тот момент мне стало так за себя обидно, что захотелось вот прямо сейчас взять и разреваться. Что я и сделала. Шмыгнула носом и поняла, что все, не могу больше держать это в себе. С горем пополам добралась до кованой скамейки, сидя на которой можно любоваться лазурью неба, незаметно перетекающей в морскую. Но сейчас мне было не до лазурей и не до любования.

– Мируар Фреон... Фриэль... ик... выгнал меня... ик... из до-о-ома-а-а...

Незнакомец пристроился рядом, а я была настолько поглощена своими переживаниями, что даже не подумала от него отодвинуться.

– Ну все, все, прекрати, – проговорил он успокаивающе, после чего добавил ворчливо, но без тех рычащих ноток, от которых у меня на всем теле волосы вставали дыбом. – И так на чучело похожа, – вздохнул горестно. – Я же сказал: все решу! Только успокойся и перестань ныть. Из-за слез ты начинаешь краснеть, и лицо распухает. Смотреть жалко! Пойдем, провожу к машине.

Мужчина подал мне руку, в которую я растерянно вложила свою.

– Сейчас поедешь домой... Точнее, в дом мируара Фриэля и соберешь вещи. И проведешь там ночь. Он не зверь, чтобы выгонять милую девушку вот так на ночь глядя.

Насчет «не зверь» я бы поспорила.

– А завтра с утра я приеду за тобой и заберу к себе, – закончил он.

«Может, старший брат Селани?» – мелькнула мысль. Вон как проникся, когда узнал обо всех моих бедах.

Нужно это выяснить наверняка, кем он приходится актрисе, и тогда уже продумать стратегию поведения: бить сумочкой или благодарить. А вообще мне здесь помощники как воздух нужны. Потому что, если этот жлоб Фриэль и правда меня выгонит, я останусь без крыши над головой. А остаться без работы и крыши над головой в незнакомом мире – это даже хуже, чем поститься после трех каждый день.

Передав меня из рук в руки Луарду, поприветствовавшему незнакомца почтительно «мируар Шерро», этот самый Шерро помчался все разруливать и улаживать или куда-то еще. А я продолжила ломать голову над тем, какое место в его жизни занимает мирэль Тонэ.

Селани Тонэ

Дверь ей открыл дворецкий. Просиял будто до блеска начищенная туфля и, чуть не впечатавшись в пол лбом (так старательно кланялся), отошел в сторону, пропуская гостя.

– Мируар Шерро! Пожалуйста, проходите!

Селани передернуло от произнесенного вслух чужого имени, но она тут же взяла себя в руки и постаралась ответить на подобострастную улыбку Жужжена неким подобием улыбки. Хоть вместо расшаркиваний с подлизой впечатала бы с удовольствием его в этот самый пол. С кулаками Десмонда и силой, которая в нем, в ней, так и бурлила, она могла поддаться этому искушению и раскатать дворецкого черно-белым ковром.

Но пришлось сдержаться, хоть руки и чесались.

При виде нее Жужжен вечно строил кислую мину, а иногда так кривился, словно впускал в дом Демаре не очаровательную молодую женщину, талантливую актрису, а большую зеленую муху, за которой, точно знал, ему потом придется гоняться по всем комнатам с мухобойкой.

– Фернан у себя? – деловито осведомилась Селани. В ответ прозвучало заискивающее:

– Сегодня из дому работали. Сами понимаете, няни... Уверен, мируар обрадуется вашему визиту. Ему необходимо отвлечься. Знали бы вы, что тут случилось!

– И что же у вас опять стряслось? – спросила актриса, вся внутренне ежась от низкого звучания своего собственного голоса. Ну конечно же не ее – чужого. Непросто будет привыкнуть к этим грохочущим ноткам...

Хотя с чего это она вдруг должна привыкать?! Не получится самой разобраться с проблемой, отправится в МОРГ с заявлением. Пусть вытаскивают из ее тела эту приبلудную и возвращают его законной хозяйке!

Селани была почти уверена, что душа, угодившая в ее совершенную, идеальную оболочку, не принадлежит Десмонду. Тот бы не растерялся, а действовал. Уж точно не шлялся бы по театрам, не размазывал по щекам тушь и не выглядел таким потерянным.

Покинув дом Шерро, актриса первым делом отправилась к себе и допросила служанку. Полин не удивилась столь неожиданному проявлению интереса со стороны незнакомого мируара, потому как поклонники часто интересовались ее хозяйкой, что приводило в бешенство ревнивца Грегуара. От служанки Селани узнала, что, вернувшись домой с собеседования, мирэль Тонэ почувствовала себя неважно. Да еще и вела себя странно. Как будто чего-то боялась.

Проверить, иномирянка это или нет – труда не составит. Скорее всего, так оно и есть, потому что Селани прежде не доводилось слышать, чтобы эонцы скакали в тела друг друга, как блохи. А с пришельцев из других миров станется! Не зря же их сразу отлавливают и куда-то прячут. Или что там в МОРГе с ними вытворяют.

От Мальмарского отдела розыска гостей из другого мира Селани предпочитала держаться подальше, как и от полиссаров, да и вообще от любых представителей органов правопорядка. Непростое прошлое обязывало... Да и вообще, вдруг и правда такого прежде не случалось, чтобы души телами менялись. Как начнут изучать этот феномен, ставить над ней опыты... А превращаться в подопытного кролика Селани не горела желанием. И телом своим тоже рисковать не хотела.

Девушка решила подождать, не действовать сгоряча. Тем более что у нее созрел интересный план, и ей не терпелось начать воплощать его в жизнь. А побывать в МОРГе она всегда успеет. Главное, заставить чужачку слушаться ее во всем, помалкивать и беречь тело. Ну и Фернана подтолкнуть к нужным ей умозаключениям.

– ...А потом заявила эта пигалица. Актрисулька! Вы ее, наверное, и не помните, – прервал ход мыслей девушки дворецкий.

– Мирэль Тонэ? – уточнила Селани, восторгнувшись, хоть и так прекрасно знала, о ком говорит этот напомаженный сноб.

– Она самая! – Слуга пренебрежительно фыркнул.

– И до чего они с Фернаном договорились?

– До того, что мируар ее взял и выставил, – злоратно сообщил дворецкий, и Селани подумалось, что на паркете в гостиной его расплюснутая голова смотрелась бы куда интересней.

Миновав просторную комнату, они вышли в коридор, освещенный несколькими бра, формой напоминавшими распутившиеся бутоны цветов.

Кажется, этот коридор вел на веранду и к бассейну.

– Вы же знаете, как она его нервирует.

Селани не знала и предпочла бы и дальше об этом не знать. Расстроено поджала губы, но потом решила не обращать внимания на слова усатого выскочки. Пусть битва проиграна, но победа в войне останется за ней! И полгода не пройдет, как ее пальчик будет украшать то расчудесное колечко, которое она не далее как два дня назад видела в витрине одного из бутиков Демаре.

Главное, сейчас действовать осторожно, не отчаиваться и не паниковать.

– Нашли хоть няню? – Селани задержала дыхание.
– Нашли, – кивнул дворецкий и тут же со вздохом добавил: – И сразу потеряли.
– Что значит потеряли?
– Мируар изволили ее уволить.
– Вот как! – Селани задумчиво закусила губу. – Отчего ж так?
– Сейчас сами все увидите, мируар Шерро, – отвечивал дворецкий, распахивая перед гостем широкие стеклянные двери.

На веранде в плетеном кресле сидел хозяин алмазной империи в компании сигары и бокала орьятта многолетней выдержки. Фернан задумчиво смотрел куда-то вдаль, и, проследив за его взглядом, Селани ахнула. Казалось, над многоярусным бассейном, которым она не переставала восхищаться, пронеслось настоящее торнадо.

– Что здесь произошло?

– Мои дочери, как всегда, отличились, – со вздохом сказал Фернан и поднялся, чтобы поприветствовать друга.

От крепкого рукопожатия актрису бросило в жар, а от пристального пронзительного взгляда тело закололи тысячи невидимых иголок. Селани опомнилась, когда Демаре вопросительно вскинул брови. Мысленно на себя прикрикнув, поспешила сунуть пылающую ладонь в карман.

Стараясь вести себя так, как, по ее мнению, должен вести себя мужчина, пробасила:

– А принеси-ка мне, Жульен, чего-нибудь выпить. Да покрепче!

– Жужжен, – поджав губы, поправил гостя дворецкий, но тот даже ухом не повел.

Селани чувствовала, ей и правда сейчас не помешало бы расслабиться, потому что в присутствии Фернана у нее, казалось, оголялись все нервные окончания.

Демаре указал на свободное кресло по другую сторону круглого стола. Селани еще ни разу не доводилось находиться здесь вот так, в качестве гостыи. Расположившись в кресле, любоваться зеленым садом, затемненным вуалью сумерек. Дневной зной спал, и находиться на веранде сейчас было особенно приятно. Скользить взглядом по светлым резным перилам, по покатоному навесу, с которого крупными ярко-фиолетовыми цветами ниспадала ольва – вечно-зеленое растение, обладавшее едва уловимым сладким ароматом. Полумрак разбавляли светильники на веранде и мерцавшие в саду кристаллы, напоминавшие застывших в воздухе светлячков.

– Это потому сбежала няня?

– Я уволил ее, – неспешно выпуская дым, ответил Фернан. Вспомнив, что не предложил гостю его любимые шевронские сигары, поспешил исправить эту оплошность и потянулся к нагрудному карману жилета. – Будешь?

Селани рассеянно кивнула. Дождавшись, когда Фернан с помощью золоченой гильотины отрежет кончик сигары, неумело ее запалила и глубоко затянулась. А в следующий момент почувствовала, как у нее из глаз сыплются искры. Она едва не задохнулась от кашля. Благо прискакавший вовремя Жужжен сунул ей в руки бокал с орьяттом. Который, как назло, неприятно обжег горло, и актрисе почудилось, что еще секунду-другую, и она превратится в огнедышащего дракона.

– Пытаюсь бросить, – прохрипела, дрожащими пальцами впечатывая тлеющий кончик сигары в пепельницу и спеша отодвинуть ту от себя.

Ей нравились легкие сигареты, но никак не эта вонючая дрянь. Нравилось сжимать в унизанных кольцами пальцах длинный изящный мундштук, изредка подносить его к губам, соблазнительно их приоткрывая. А потом запивать горечь дыма игристым напитком.

Представив Десмонда с мундштуком в зубах, бокалом шипучего вина и наброшенным на плечи перьевым шарфиком, Селани тряхнула головой, прогоняя неуместные мысли, и сосредоточилась на единственно сейчас важном – Фернана Демаре.

– И что ты теперь намерен делать? – Селани обвела взглядом учиненный близняшками погром.

– Искать новую няню. Вернее, я ее уже нашел.

– Да? И кто же она? – В голос, помимо воли, ворвалась досада.

– Дениз де Вьен.

– А-а-а... – не растерявшись, многозначительно протянула актриса и хитро покосилась на вмиг помрачневшего «друга».

Это была именно та реакция, на которую Селани и рассчитывала. Фернан нахмурился и резко спросил:

– Ты с ней знаком?

– Нет, представлены мы друг другу не были. Но я слышала... слышал, что мирэль де Вьен питает слабость к сильным мужчинам и крепким напиткам.

– Неужели? – обронил Фернан с легким оттенком раздражения.

Селани часто закивала головой.

– А ты разве не знал, кого принимаешь на работу? Дамочка заменяет утренний вьярн орьяттом, а на ночь вместо снотворного закидывается висентом. Первое, что я бы сделал на твоём месте – повесил на дверь погреба большой амбарный замок. Прежде чем впускать такую няню в дом.

По тому, как напряглась рука Демаре, сжимавшая сигару, Селани поняла, что ее маленькая хитрость сработала, и Алмазный король снова в поисках.

– Почему бы тебе еще раз не побеседовать с мирэль Тонэ? – как бы между прочим предложила она.

– Ты это серьезно? – Фернан недоверчиво посмотрел на друга.

– Вполне.

– И ты способен представить эту актрисульку в роли няни? Я – нет.

Селани с трудом погасила в себе вспышку злости. Такой Фернан – циничный, холодный – ей совершенно не нравился. И в то же время, даже сейчас, когда в его голосе звучало столько пренебрежения, ее тянуло к нему как магнитом.

– Уверен, из нее получится отличная няня!

– С чего это вдруг? Она заявила ко мне полуголая, вся разукрашенная. От нее за милю разило духами. Разве такие нанимаются в няни?

– Просто мирэль Тонэ так... самовыражается, – не растерялся лже-Десмонд. – Поверь, ей сейчас как никому другому нужна работа. Ее ведь попросили из театра.

– Бедняжка. – Фернан прикрыл глаза, с наслаждением вдыхая горький дым и всем своим видом показывая, что судьба какой-то там актрисы ему безразлична и совершенно неинтересна.

– Ее домогался антрепренер. А она его послала.

– Такие, как мирэль Тонэ, никогда никого не посылают, – прозвучало издевательски. И Селани от досады едва не заскрежетала зубами. – Она ведь живет в его доме. Несложно догадаться, чем расплачивается.

– Аренду вычитают из ее зарплаты!

– Откуда ты столько о ней знаешь?

– Признаюсь, в свое время я думал за ней приударить. Вот и наводил справки. Согласись, мирэль Тонэ – лакомый кусочек. Настоящая красавица!

В ответ Фернан неопределенно хмыкнул, и Селани, к своей досаде, так и не смогла понять, какого же он все-таки о ней мнения, ну или хотя бы о ее внешности. Актриса продолжила уговаривать Фернана с еще большим рвением, не без удовольствия отмечая, сколько выгоды она сможет извлечь из теперешнего ее положения близкого друга Демаре.

Так что, наверное, с визитом в МОРГ действительно можно повременить.

– Ну так почему не приударил?

– Мирэль Тонэ и мне отказала.

Селани уже успела понять, жаль, с опозданием: легкодоступные женщины Фернана Демаре не интересовали. Как всякий охотник, он любил отслеживать, нападать, завоевывать. К счастью, еще не поздно исправить прошлые ошибки и начать все сначала.

– По-моему, недотрога – это не про Селани.

– Ты плохо ее знаешь!

– А ты – хорошо?

– Я же говорю, навел справки. Кстати, она росла с тремя младшими братьями. И представь себе, как-то с ними справлялась.

– Такое ощущение, что ты не в постель ее хотел затащить, а собирался на ней жениться! – резко проговорил Демаре. – Может, и с родителями уже успел познакомиться?

– Ты порой бываешь невыносимым! – вспыхнула актриса.

– А ты ведешь себя странно.

Селани вздрогнула под жестким, вдруг ставшим тяжелым взглядом и поняла, что на сегодня достаточно. Ей следует все хорошенько обмозговать и решить, как действовать дальше. А пока...

– В общем, ты, конечно, сам смотри: приглашать в дом вертихвостку и алкоголичку или же вытащить из бедственного положения красивую, интеллигентную, талантливую(!) девушку. Лишившись работы, Селани останется и без крова. И, поверь, за должность няни она будет держаться руками и ногами. Такую, как она, разрушенным бассейном не напугаешь!

Сославшись на неотложные дела, Селани-Десмонд быстро простилась и, провожаемая цепким взглядом Демаре, толкнула стеклянные двери, спеша покинуть «замок» Алмазного короля.

Глава 4

Няня в кустах

Ира Илларионова

Модный журнал, модный журнал, модный журнал...

Я вздохнула и отодвинула стопку (если так можно выразиться о горке, которая грозила вот-вот съехать со столика на пол) периодики в сторону. В библиотеке Селани Тонэ не водилось ничего, кроме журналов мод. Собственно, это место и библиотекой-то можно было назвать с большой натяжкой, поскольку стеллажи сверху донизу были забиты изданиями, знакомившими с последними тенденциями моды, начиная от причесок и заканчивая духами, фирменными туфлями, сумочками и прочими милыми женскому сердцу безделушками. Рекомендации по созданию стиля, реклама украшений, шляпок и прочих аксессуаров – все это, к сожалению, никак не могло мне помочь с возвращением домой.

Равно как один-единственный любовный роман, который пылился на нижней полке с закладкой на пятой странице, и пособие «Как стать гениальной актрисой» Вирджинии Несравненной. Не представляю, кому в голову пришло взять такой псевдоним и зачем, но это меня волновало в последнюю очередь.

Идея заскочить в местную библиотеку посетила меня слишком поздно, и сейчас я понимала, что к счастью. Во-первых, я смутно представляла, что искать, а во-вторых, сомневаюсь, что у них в библиотеках найдется книга «Как вернуться домой в свой мир. Пособие для чайников». Но даже если предположить, что она все-таки отыскалась бы, наверное, за мной бы уже кого надо прислали, если у них такой строгий контроль над иномирными.

Словом, домой я не вернусь.

Не в ближайшее время, это уж точно, зато скоро стану той самой ББИ, о которой думала перед встречей с... Память отказывалась подсказывать имя очередного знакомого Селани, перед которым я так позорно разревелась. Если честно, решать проблемы слезами я не привыкла, но, видимо, в тот момент у меня сдали нервы. Сейчас они вообще лопнули и вяло позвякивали, как музыка ветра, в аккомпанемент моим скорбным мыслям.

У меня нет дома.

У меня нет работы.

У меня есть тело актрисы (судя по всему, весьма посредственной, несмотря на советы Вирджинии Несравненной) и есть бывший любовник. Может быть, два. Насчет второго я была не уверена.

Хорошая новость: я понимаю язык обитателей этого мира или конкретно этой страны. Еще одна: непонятно-любовник-или-нет обещал все уладить, но что он сделает, как, а главное – что за это потребует от меня, оставалось пока загадкой.

На этом хорошие новости заканчивались, поэтому «музыка ветра» начала вытренькивать похоронный марш. Знала бы я, что любимое Светкино выражение «куда пойти, куда податься, кого найти, кому отдаться» материализуется и примет такие впечатляющие масштабы, не пошла бы на Машин голос в тот злосчастный туалет.

Хотя кому вру? Все равно бы пошла.

Для меня дети в саду уже стали родными. Мысль о том, что я никогда их больше не увижу, так же как маму с папой, Мишу и Светку, чуть было не заставила меня снова зареветь в голос, но я усилием воли затолкала ее поглубже. Если сейчас начну рыдать или того хуже – биться в истерику, меня сдадут в психушку. Может статься, и правильно сделают?

Я как-то смотрела один психологический триллер, и там героиня была в коме: ударилась головой, а все, что она видела и чувствовала, было лишь игрой ее сознания. С другой стороны,

это как же надо было удариться, чтобы такое придумать? Я фантастикой никогда не увлекалась, предпочитала больше современную прозу и любовные романы, но тоже в нашей реальности. Светка – да, она обожает фэнтези о всяких там властных драконах, оборотнях и орках и читает эти книги запоем, а я как-то так и не рискнула приобщиться к столь популярной нынче литературе. Даже «Гарри Поттера» только собиралась прочитать для общего развития.

В общем, такому вот...

Я открыла журнал на первой странице. С рекламного разворота во все тридцать два зуба улыбалась красотка, касавшаяся пальчиками сверкающих камней в оправе из белого золота. «Ожерелье с алмазами обаяния. Надевающая его особа вполне может испытывать легкое головокружение (небольшой побочный эффект), зато весь вечер у мужчин головы будут кружиться только от нее».

...в моей голове точно взяться неоткуда.

Получается, у них тут официально разрешен приворот?

Закончить эту мысль я не успела, потому что дверь распахнулась с такой силой, что чуть не слетела с петель, и в комнату ввалился Ягуар... то есть Грегуар Фриэль. Пиджак его почему-то оказался без рукава, рубашка измята так, будто ей натирали полы, да и сам он в целом выглядел не лучше. Под глазом наливался синим цветом фингал, скула основательно поцарапана, спиртным от него разило на всю комнату.

С трудом сфокусировав на мне взгляд, антрепренер вскинул руку и с пафосом произнес:

– Беру себе последний шанс! Даю тебе шансовый послед... – Тут он нахмурился, явно заподозрив, что несет какую-то чушь. – В общем, уходи моей или будь! Решай никогда или сейчас!

Прежде чем он успел сделать шаг, я была уже на ногах. Опыта общения с нетрезвыми бывшими любовниками у меня не было, но кое-какие мысли на этот счет имелись: например, о том, что оставаться с ними один на один нежелательно. Особенно учитывая, что сейчас поздний вечер. Полин, служанка, уговаривала меня поесть, несмотря на зыркание Луарда, который ей все рассказал, но потом пошла спать. Луард тоже. В итоге я сейчас совершенно одна в огромном доме с нетрезвым директором театра, который не понимает отказов.

– Куда-а-а же ты? – пропел он, растопылив руки.

– Как – куда? Ухожу. Освобождаю помещение, – пробормотала я, подумывая, с какой стороны лучше бежать чужого любовника.

– Уходишь? – В мыслительный процесс Грегуара закралось сомнение. – Уходишь?! Значит, насчет тебя и Демаре все правда?!

– Правда! – ухватила за спасительное предположение. – И он должен за мной приехать прямо сейчас. Поэтому в твоих же интересах немедленно оставить меня в покое.

Как ни странно, голос почти не дрожал, особенно когда я указала Фриэлю на дверь. При упоминании алмазного гангстера антрепренер как-то странно съежился, однако количество выпитого сработало лучше алмазов обаяния. Он с ревом бросился на меня, я с визгом от него, и ведь почти успела проскочить... Но, видимо, лимит везения я на сегодня исчерпала, потому что Грегуар вцепился мне в плечо мертвой хваткой и потащил к двери.

– Не... благодарная... ик! – рычал он. – Больше... ни дома в моей минуте! Ик! Сголоднешь сдоха, как и все твоё семейство, которое ты бросила!

– Мируар Фриэль! Мируар Фриэль! – На его вопли выскочила перепуганная служанка. – Что же вы делаете-то... Ай!

Хозяин дома запульнул в нее вазой, девушка едва успела увернуться. Очередные туфельки приказали долго жить: у одной сломался каблук, другую я попросту сбросила, чтобы не остаться без ног. Как выяснилось мгновением позже, не зря: Грегуар распахнул дверь и швырнул меня прямо в ночь, с крыльца. Я полетела кубарем в ближайшие кусты (к счастью, не в розовые) и сгруппироваться успела только благодаря йоге, на которую ходила уже два года.

Под грохот захлопнувшейся двери я на четвереньках выползла на мощенную мелким камнем дорожку, чувствуя, как саднят содранные колени.

– Чтоб тебе в штаны наложить по самый воротничок! – пожелала ему от души.

И уткнулась макушкой в мужские ноги.

Прошлась взглядом по стильным брюкам и выше, обнаружила, что стою в позе кошки акkurat перед Фернаном Демаре.

– М-да, – протянул его алмазное величество, глядя на меня сверху вниз.

– Тьфу! – высказалась я.

И попала прямо на начищенный до блеска ботинок.

Глаза Демаре в тот момент надо было видеть, но я на них заикливаться не стала. Как и на своем поведении. Когда у тебя во рту застряла какая-то горькая трава, об этикетке думаешь в последнюю очередь. Судя по всему, Фернан посчитал так же, потому что протянул мне руку.

– Поднимайтесь.

При других обстоятельствах его рука была бы последним, чем бы я воспользовалась, но выбора у меня не было. Поэтому, скрипя остатками земли на зубах, ухватилась за сильные пальцы, и меня в один миг поставили на ноги.

Окинув таким взглядом, от которого срочно захотелось помыться (но если честно... помыться и правда не помешало бы), Демаре скомандовал:

– Отряхивайтесь – и в машину.

После чего развернулся и направился к распахнутым воротам. Как он сюда попал, я уточнять не стала. Похоже, пьяный Ягуар забыл закрыть калитку. У-у-у, жлоб! Жалко ему, что ли, мог бы оставить девушку переночевать.

Я последовала за королем, а поравнявшись с ним, резко сменила траекторию движения и направилась в противоположную от Демаре сторону. Признаться честно, не представляла, куда иду, но упорно ковыляла по улице.

– Вы совсем рехнулись?! – гроыхнуло мне вслед.

– По-моему, вы сегодня уже задавали этот вопрос, – не оборачиваясь, заметила философски.

– Я сказал: садитесь в машину, мирэль Тонэ! – В его голос ворвалось раздражение.

– А то – что?

Вжик!

Ну вот, опять. Почему-то я совершенно не удивилась, когда на меня упало магическое лассо и потянуло назад. Тормозить пятками в капроновых чулках по брусчатке неразумно, сразу вам говорю. Я упорно молчала, пока меня тянуло несколько метров вдоль узорчатой ограды. Молчала, даже когда меня развернули лицом к себе.

Только когда обошли и с высоты своего мируародемареяского положения посмотрели как на какое-то ничтожное насекомое, при этом еще и гневно раздувая ноздри, высказала все, что думаю:

– Джентльмен из вас препаршивый.

– Кто?

– Мужчина, который уважительно относится к женщине.

– Я уважительно отношусь к тем женщинам, которые этого заслуживают, – парировал несносный тип. – Так что садитесь в машину, мирэль Тонэ, вы сегодня достаточно испытывали мое терпение.

– Я вас вообще не испытывала, – возразила и выдернула из волос репейник.

Точнее, что-то очень на него похожее, а после поежилась: во-первых, холод проникал сквозь драные пятки чулок, а во-вторых, не знаю, какое здесь время года, но сейчас ощутимо похолодало. Градусов так на десять, как весенней или осенней ночью после обманчиво теплого дня.

– Да ну? – хмыкнул Демаре.

А потом скинул с широких плеч пиджак и накиннул на меня.

Если бы остались силы, я бы удивилась, но в тот момент почувствовала себя такой разбитой, что просто устало поинтересовалась, подцепив пальцем магическое лассо:

– Что вам вообще от меня надо?

Интересно, у них тут патрули ходят? И если я заору, меня заберут в полицию?

– Я хочу предложить вам работу.

Работу?

Работу, Ира, работу. Это значит, что ты можешь стать БРИ – бездомной работающей иномирянкой.

– Какую это работу вы собрались предложить мне на ночь глядя? – спросила недоверчиво.

– А на какую вы приходили сегодня устраиваться? – Сарказмом в его голосе можно было затопить парочку Марианских впадин по самый последний миллиметр. – Или вы уже передумали?

Передумала ли я?

Определенно.

Я открыла рот, чтобы сообщить ему об этом, но тут меня оглушило мыслью: я попала в этот мир через дом Демаре. Если только предположить, что мне нужно просто оказаться там, чтобы вернуться на Землю, то я просто обязана с ним поехать! Да даже если этого и не предполагать, у Демаре наверняка библиотека больше нашей областной. Он определенно сильный маг, а это значит, что сейчас самое время передумать, потому что БРИ быть легче, чем ББИ. Тем более что другого случая попасть в его дом, если сейчас не устроиться к нему на работу, мне точно не представится.

– Не передумала, – сказала я. – Но, учитывая то, как вы со мной обошлись, я соглашусь только на оклад вдвое больше обещанного.

Брови мужчины поползли вверх.

– И при условии, что буду проживать в вашем доме, пока не найду себе новое жилье.

Его брови заползли бы и выше, но выше уже было некуда – кончался лоб. Широкий такой, по-мужски красивый, несмотря на то, что сейчас он хмурился. Да и в целом Демаре можно было назвать привлекательным такой... истинно мужской красотой, без признаков смазливости. Его черты были скорее резкими, чем правильными, а в свете фонаря они казались выточенными из камня. Суровыми. Но все равно притягательными.

На этой мысли я решила закруглиться, а остальное додумать завтра.

– Мне кажется, или вы действительно не в том положении, чтобы ставить условия? – спросил он, опомнившись.

– Мне кажется, или не я вас сейчас удерживаю? – поинтересовалась ему в тон.

Демаре хмыкнул, и лассо свернулось. Или, вернее, втянулось в перстень, на миг окутав сильную ладонь искрящейся магией.

– Значит, так, Селани...

– Мирэль Тонэ.

– Мирэль Тонэ. – Демаре скрежетнул зубами. – У меня есть две шестилетние дочери, которых нужно уложить спать. Справитесь – считайте, что вы приняты.

«Сумеете ответить – столик ваш», – вспомнилась фраза из одного шедеврального мультика.

– А не сумеете...

– Век меня помнить будете?

– Что? – Демаре нахмурился еще сильнее.

– Ничего, – махнула рукой. – Едем укладывать спать ваших девочек?

Он как-то странно на меня посмотрел, но мне было уже не до странностей. Если повезет, через пару часов я стану ДРаНей – домашней работающей няней. Если очень повезет, то через три часа буду спать сама. А если повезет капитально, магический портал, перекинувший меня в дом Демаре, сработает в обратную сторону, и я буду спать в собственной постели, вспоминая все случившееся как бредовый кошмар.

Всю дорогу до демареновских хором и я и он хранили молчание. Я – потому что все ресурсы организма уходили на борьбу со сном, который нет-нет да и брал верх над изможденным сознанием. Другими словами, мне было банально лень ворочать языком, и я то и дело отключалась. Почему молчал его алмазное величество – не имею ни малейшего понятия. Да и меня это совершенно не интересовало. Если б еще не косил в мою сторону своим фирменным булыжным взглядом и не сидел вот так, вольготно развалившись на заднем сиденье, отчего приходилось вжиматься в обтянутую кожей дверцу, цены б ему не было.

Но сидеть компактно Демаре, наверное, даже не пробовал, поэтому, когда автомобиль остановился, я с трудом отодрала себя от дверцы (из-за долгого пребывания в неудобной позе левая рука занемела) и услышала насмешливое:

– Вообще-то я не кусаюсь, мирэль Тонэ.

– Предлагаете поверить вам на слово, мируар Демаре? – сказав это, с трудом подавила рвущийся наружу зевок.

Не дожидаясь, пока мне помогут выбраться из машины, сама из нее вытряхнулась, а заодно и из пиджака мируара, после чего окинула сонным взглядом роскошный дом. Может, стоит только оказаться в его стенах, и я действительно перенесусь обратно на Землю?

Ах, это было бы чудесно!

От волнения, что вот сейчас самый безумный день в моей жизни, возможно, закончится, я быстро взбежала на крыльцо.

За что была вознаграждена еще одной колкой репликой:

– Так не терпится приступить к своим обязанностям?

– Вам, как отцу, должно быть известно, что в такое позднее время детям уже давно положено находиться в постелях, – отбила я пас и, прежде чем окунуться в яркий свет холла, зажмурилась, отчаянно надеясь, что, когда открою глаза, окажусь в детском саду или у себя дома. Да, так и будет.

Так должно быть!

Переступая порог, как назло, едва о него не споткнулась. Почувствовала, как крепкие мужские пальцы сдавили, словно раскаленными тисками, мой локоть.

– С вами все в порядке, мирэль Тонэ?

О, он просто не представляет, насколько все... не в порядке. Оглядевшись по сторонам, едва не застонала. Все тот же роскошный холл. Все тот же усатый мажордом. Фернан и я в теле бездомной актрисы.

– Это я от радости, что стану няней, не чувствую под собой ног. – Осторожно высвободила руку из крепкого захвата демареновских пальцев. – Месье Жлобен, – поздоровалась вежливо, обращаясь к дворецкому, вылупившему на меня свои и без того навывкате глаза.

Видно, не каждый день Фернан Демаре приводил к себе припыленных девиц без туфель, в разодранных чулках и с сорняками в волосах.

Слуга выразительно цокнул. Должно быть, чем-то Селани его не устраивала, раз у него при каждой встрече возникала на нее чуть ли ни аллергическая реакция. А раз теперь Селани – это я, и мне неизвестно, сколько придется здесь находиться, нужно будет налаживать отношения и со Жлобеном, и с его гангстерского вида хозяином. А главное – с дочерями хозяина.

Надеюсь, они характером пошли не в папу.

– Проводите меня к девочкам в спальню? – постаралась вежливо улыбнуться, как делала это всегда, общаясь с родителями своих воспитанников, но улыбаться Демаре почему-то не получалось.

– По-моему, вы этот дом знаете лучше меня и можете провести себя сами, – снова уколол Фернан словами, а я мысленно обрушила ему на голову висевшую под потолком большую хрустальную люстру.

Уверена, ему бы пошла юбочка из блестящих висюлек.

Не скажу, что стало легче, но эта мысль помогла справиться со вспышкой гнева. Мне сейчас гневаться никак нельзя. И лишаться работы тоже.

– Что ж, если вас это так затрудняет, пусть меня проводит Жермен, а заодно покажет мою комнату. Или предлагаете мне самой определиться с выбором, раз уж я так хорошо знакома с вашим домом?

– Ваша комната – смежная с детской, – сделал Демаре контрольный выстрел взглядом. После чего развернулся и, уже скрываясь в недрах своего особняка, повелел: – Этиль, проводи мирэль Тонэ наверх.

– А где ее вещи? – захолопал глазами дворецкий.

А нету у меня вещей. Даже ночнушки нет. Я тут же успокоила себя, рассудив, что это самая незначительная из всех свалившихся на меня бед. Поспать ведь можно и в нижней сорочке, а что касается одежды... Может, его величество будет столь любезен выдать мне аванс и отпустить на часок-другой в магазины?

Но об авансе и магазинах сейчас лучше не заикаться. Главное, уложить спать себя... вернее, алмазных наследниц. Иначе и правда придется ночевать под ближайшим мостом.

Так и не получив от хозяина ответа, что-то негромко ворча, кажется, сетуя на дырявую, как решето, память некоторых молодых особ, дворецкий поднялся вместе со мной наверх. Довел до конца коридора, украшенного психоделическими картинами и так контрастирующими с ними светленькими обоями. Хмуро на меня покосившись, толкнул дверь, ведущую в небольшую, но вполне уютную комнату.

– Вот здесь будете жить вы. А вон там спальня мирэль Кристин и мирэль Аделин, – указал на соседнюю комнату, не преминув вполголоса продолжить: – Хоть вам, конечно, понравилось бы ночевать совсем в другой спальне.

На что это он намекает?!

Продолжая что-то бурчать себе под нос, дворецкий надменно вздернул подбородок и направился к лестнице.

Уложить спать... Уложить спать двух шестилетних девочек, и тогда можно будет самой хотя бы ненадолго сбежать из этой сумасшедшей реальности.

Тихонько постучав, прислушалась. За дверью не раздавалось ни звука, и в щель между створкой и полом не пробивалось даже малейшего лучика. Может, девочки не дождались новой няни и улеглись сами? Было бы здорово. Подумав так, осторожно приоткрыла дверь и шагнула внутрь. Откуда-то сверху послышался подозрительный хлопок, из темноты – сдавленное хихиканье. А в следующий момент я звучно чихнула, когда на меня обрушилось что-то сыпучее. Очень много чего-то сыпучего. Похожая на муку пыльца, только блестящая, даже в темноте переливающаяся всеми цветами радуги, окутала меня, осела на волосы, одежду, кожу.

Мысленно застонав, подула на прядь, упавшую на глаза. Что ж, это вполне закономерное окончание безумного дня. В кустах я побывала, с землей поцеловалась. Моему внешнему облику явно не доставало последнего штриха. Яркого такого акцента в виде непонятного светящегося вещества.

Зажегшийся ночник рассеял тьму, и я увидела двух смеющихся малышей.

– Ой, – удивилась одна из девочек, прижимая к груди странного вида игрушку – что-то среднее между чебурашкой и драконом. Хорошо, что я эту игрушку при свете ночника увидела,

потому что в противном случае заикание мне было бы гарантировано. Если не до конца жизни, то на пару дней точно.

– Мы думали, это Жужжен, – подхватила другая, садясь на кровати.

– Мы просто пошутить хотели, – добавила первая.

Понять, кто из них – Кристин, а кто – Аделин, не представлялось возможным. Девочки были совершенно одинаковыми: кудрявые, курносые и голубоглазые.

Я настороженно к себе принялась.

– Вкусно пахнет. Как фруктовая жвачка.

– А что у вас в волосах? – поинтересовалась одна из близняшек.

– И вообще с волосами.

– Почему у вас платье грязное?

– Я упала в кусты, – призналась честно.

Девочки слаженно хихикнули.

– Зачем?

– Как?

– А вот так. – Я вскинула руки и изобразила, что кувыркаюсь со ступенек.

Близняшки расхохотались.

– Вы на нас не сердитесь, мирэль Тонэ? – хором спросили они.

На то, чтобы сердиться, нужны силы. А у меня их уже не осталось. Последние высосал из меня ваш драгоценный папочка.

Разумеется, вслух я этого не сказала.

– Не сержусь. Хотите сказку послушать?

– Мы не любим сказки! – об этом мне тоже сообщили в один голос.

После чего девочка с чебуроном сказала:

– Мы их все уже наизусть знаем. Они скучные!

– А еще мама говорила, что все сказки – глупые и учат одним только глупостям.

– Все?

– До единой! – серьезно заявила близняшка без игрушки, сложив руки на груди.

– Ну ладно, – сдалась я. – Тогда не буду рассказывать вам про Русалочку.

– Про кого?! – снова хором.

Упс.

– Это такая человекорыба. – Я развела руки в стороны. – Большая, размером с...

– Пятноглаза? – подсказала одна из близняшек.

Если я здесь задержусь, точно придется разбираться в том, кто из девочек кто, а главное, кто такой пятноглаз.

– Примерно.

– И такая же толстая?

– Нет, она красивая. – Я устроилась прямо на полу, на мягком ковре, хоть и был риск его запачкать. Но это уже проблемы Жульена. Или кто тут у них за уборку ответственный. – Изящная, у нее длинные ярко-красные волосы, вместо ног красивый чешуйчатый хвост, а еще волшебный голос. Она поет так, что заслушаться можно. Но однажды она полюбила мужчину, который ходит по земле...

– Мама любила петь, – сказала одна из девочек грустно. – Но дедушка ей не разрешал, поэтому она не стала певицей.

Я сочувственно вздохнула.

– Отец Русалочки тоже не позволил ей быть с возлюбленным. Поэтому она решила отправиться к злой ведьме... – Для себя я уже решила, что вариант Уолта Диснея лучше первоисточника.

– К злой – кому?

Только не говорите, что у них слова «ведьма» нет.

– К злой-презлой человекорыбе, которая хотела заполучить ее голос. Кстати, вот она была толстой.

– Разве можно заполучить чей-то голос?

– С помощью магии.

– А-а-а... – Девочка вскинула раскрытую ладонь. – Это как если перенастроить кольцо...

Чебурон прилетел ей в руку раньше, чем она успела закончить. Сестра выразительно на нее посмотрела, малышка ойкнула и поспешно спросила:

– А что было дальше?

– А дальше ложимся-ка поудобней и готовимся к захватывающему путешествию в далекое-предалькое морское царство...

Заинтригованные, девочки подтянули повыше одеяла и замерли в ожидании. И пусть потом не говорят, что не любят сказки. Вон как глаза заблестели.

– Ариэль отдала свой голос за возможность выйти на берег...

...Близняшки заснули сразу после того, как Русалочка вместе с принцем отбыла на корабле в свое «долго и счастливо», а я прислонилась к стоявшему поблизости креслу, думая о том, что надо подоткнуть им одеяла. На этой мысли я и провалилась в море, где почему-то скакала по волнам на русалочьем хвосте, распевая в стиле Ариэль: «А-а-а! А-а-а!», а следом за мной на серф-доске неся Демаре, одетый, как Аль Капоне. Злобно хохоча и размахивая магическим лассо.

Фернан Демаре

О том, что притащил в свой дом актрису, Фернан пожалел почти сразу же. Это чувство было ему не знакомо, потому что он никогда ни о чем не жалел и всегда отвечал за любые свои действия. Например, когда нехило вложился в добычу кармия, а шахту завалило из-за неустойчивости пород. Хорошо, что произошло это ночью, и никто из рабочих не пострадал, но убытки компания понесла колоссальные. Естественно, в следующем году он заработал вдесятеро больше, однако та история научила его все взвешивать, прежде чем принимать важные решения, и заранее просчитывать риски.

До этого странного во всех отношениях дня.

Начиная с утреннего собеседования с мирэль Тонэ, уничтожения бассейна, разговора с Десмондом (который его и надоумил на эту аферу) и заканчивая выползающей из кустов актрисой. Последняя картина особенно ярко отпечаталась в памяти: Селани, лишенная своего привычного лоска, босая, смотрящая на него снизу вверх и при этом пытающаяся артачиться и дерзить...

Может, все дело в этом. Отправляясь к дому владельца театра и по совместительству ее любовника, Фернан совсем не ожидал увидеть то, что увидел. Растерянность на лице девушки, усталость в глазах. Первой мыслью было: весь этот цирк устроен для него, друг попросту решил пошутить и подкупил актрису. Но Фернан быстро отмел подобное предположение. У мирэль Тонэ напрочь отсутствовал актерский талант, а у Десмонда – чувство юмора. К тому же Шерро не мог знать наверняка, что он отправится за ней. Что тут скажешь, раньше он сам бы над этим посмеялся.

Потому что Селани в роли няни для девочек едва ли не страшнее того обвала.

А ему, видимо, нужен отдых, раз в голову лезут такие безумные идеи.

Фернан положил сигару в пепельницу, устало потер виски и, погасив в кабинете свет, отправился в детскую. Он дал мирэль Тонэ достаточно времени, чтобы она справилась с заданием. Хотя очень сильно сомневался, что она вообще способна с чем-либо справиться.

Селани была очень похожа на Жизель. Такая же заикленная на деньгах тщеславная пустышка. Он понял это во время их первого знакомства и все сильнее убеждался в том, что она

ничего собой не представляет, с каждой новой встречей. Возможно, именно поэтому актриса и его жена так быстро нашли общий язык.

Мирэль Тонэ делала все, только чтобы привлечь его внимание. Недвусмысленно намекала, что не прочь познакомиться поближе, откровенно предлагала себя и никак не унималась. Чем несказанно раздражала Фернана. До знакомства с Жизель такая тактика, возможно, и сработала бы, но сейчас он видел все женские уловки насквозь.

Самые разные уловки.

Впрочем, рвение стать няней для близняшек, признаться, его удивило. Потому что раньше Селани не горела желанием с ними общаться, несмотря на то, что была частым гостем в его доме. Удивило и сбило с толку.

Да, именно этим можно объяснить его временное помутнение рассудка.

Так что пора заканчивать этот балаган.

Нет, выгонять в ночь он ее не станет, но на большее пусть не рассчитывает.

В коридоре возле спальни близняшек дежурил дворецкий. Этиль прижимался к двери, будто пытался пройти сквозь нее или хотя бы с ней слиться, но после негромкого покашливания отскочил в сторону, словно ничего не делал. Вот только расплющенное покрасневшее ухо его выдавало.

– Где мирэль Тонэ? – устало поинтересовался Фернан.

– Внутри, мируар Демаре, – кивнул Этиль на дверь в детскую.

– Что она делает?

– Последние десять минут молчит.

– Она молчит? Или девочки?

– Из спальни не доносится ни звука.

– И ты не заглянул узнать почему? – с легким раздражением спросил Демаре.

– Вы не давали такого распоряжения, мируар, – важно заметил дворецкий, сложив руки за спиной.

Обиделся.

Как будто Этилю нужно было разрешение, чтобы везде совать свой длинный нос. Мимо него в этом доме ничего не проходило, не пробежало и не пролетало, за что Фернан его особенно ценил.

Подумав о том, что сейчас сам все узнает, он толкнул дверь в комнату дочерей.

И замер.

Спальню освещал лишь слабый свет ночника. Девочки синхронно сопели в кроватях. Темные кудряшки разметались по подушкам, каждая из малышек прижимала к себе свою любимую игрушку – его подарок. Зрелище было таким умиротворяющим и желанным, что Фернан улыбнулся. Пожалуй, только рядом с дочерьми он и мог улыбаться.

Пройдя внутрь, Демаре едва не споткнулся о длинные ноги мирэль Тонэ и улыбаться перестал. На мягком коврике, до которого почти не доставал свет лампы, привалившись к креслу, спала Селани. Во сне ее лицо было безмятежным, кожа и волосы светлыми и сияющими, словно жемчуг, а сама девушка, укрытая густыми тенями, выглядела хрупкой и необычайно нежной. Грудь, тесно обтянутая модным платьем, едва уловимо вздымалась. Юбка слегка задралась, ровно настолько, чтобы обнажились колени, и был виден край ажурной подвязки. Зрелище открывалось более чем соблазнительное.

Фернан сглотнул и тряхнул головой, разозлившись на себя.

Наверное, мирэль Тонэ долго придумывала новую уловку, хотя, скорее всего, просто импровизировала. Знала ведь, что он зайдет посмотреть на дочек.

Без зазрения совести Фернан переступил через актрису и приблизился к спящим близняшкам. У каждой могла быть своя комната, да он перестроил бы целое крыло, если бы они

того пожелали, но девочки хотели, чтобы их кровати стояли по соседству, и предпочитали спать вот так: голова к голове. Они все делали вместе.

Фернан Демаре, Алмазный король и каменный магнат, подоткнул одеяло сначала одной из дочерей, поцеловав ее в миниатюрный лоб, а потом то же самое сделал для другой.

– Добрых снов, – пожелал он тихо.

И повернулся к горе-няньке.

Мирэль Тонэ не сдвинулась с места, поэтому Фернану пришлось опуститься рядом с ней и потрясти за плечо. Пока что легко. Вместо того чтобы открыть глаза, Селани скользнула в сторону и завалилась на пол, поцеловавшись лбом с ковриком. А после под его изумленным взглядом (Фернана вообще мало что могло удивить) подтянула к груди свои соблазнительные голые коленки и свернулась клубочком, совершенно несоблазнительно засопев.

Притворяется или действительно спит?

Ясно было одно: оставлять ее здесь не стоит. Фернан подождал пару минут, а потом, тихо выругавшись, подхватил Селани и взвалил себе на плечо.

Комната для няни была рядом со спальней близняшек, поэтому он просто толкнул смежную дверь, быстро преодолел расстояние до кровати и сгрузил на нее актрису. Селани тут же перевернулась на бок, обхватила руками атласную подушку и, кажется, засопела еще громче, при этом, как ни странно, не утратив своей привлекательности.

Фернан сжал зубы и стремительно покинул комнату.

– Сообщите, когда мирэль Тонэ проснется, – велел он поджидавшему за дверью дворецкому.

А сам направился в свою спальню, находившуюся в другом крыле. Когда он только купил этот дом, то делил ее вместе с Жизель. Потом жена заявила, что окна комнаты выходят на солнечную сторону, из-за этого она не может долго спать, и выбрала себе другую. Это произошло сразу после рождения малышей.

Фернан за ней не последовал. Жена не спрашивала, мешает ли свет ему, а он уже не рвался менять что-либо в своей жизни ради нее. Хотя в самом начале все было иначе. Тогда они были счастливы. Точнее, ему так казалось.

Со дня знакомства с Жизель он сходил по ней с ума. По звонкому смеху, по чарующей улыбке, по пламени, которое вспыхивало в нем, стоило к ней прикоснуться. Самая красивая женщина из всех, которых ему довелось знать. А красивым женщинам можно простить любые капризы. Так он считал раньше, и был форменным идиотом.

Он нуждался в Жизель, она была его лекарством и ядом. А вот ей, как выяснилось, никто был не нужен. Супруга любила исключительно себя, еще его деньги и то, что благодаря им она могла получить. Фернан понял это не сразу: проклятое желание застилало глаза! Он искренне верил, что у них действительно получится семья. Особенно когда родились малышки.

Только семьи не получилось.

Очень скоро Жизель потеряла интерес к материнству и стала относиться к дочерям, как к обузе. Исключение составляли ее бесконечные вечеринки, когда она требовала нарядить близняшек в рюши и хвасталась ими перед своими подружками, как породистыми скакунами. Но стоило девочкам расплакаться, сама закатывала истерику.

Фернан сбросил туфли и, расстегивая рубашку, подошел к окну.

Заметил высокого мужчину в плаще, тот выделялся на пустынной улице, как пероножка в зале для коронаций.

Журналисты.

Они преследовали его со дня исчезновения Жизель.

Три месяца назад она отправилась по магазинам, но домой так и не вернулась. Ее машина была брошена напротив одного из модных салонов (Жизель обожала водить сама, пожалуй, это было единственное, что она любила и умела делать сама), а мирэль Демаре исчезла бесследно.

Продавцы ее не видели, ее вообще никто не видел: как сквозь землю провалилась. Сначала Фернан думал, что Жизель похитили ради выкупа, но никто не обратился к нему с требованием заплатить за спасение жены. Сбежать она тоже не могла. Зачем? Ей нравилась та жизнь, которую она вела, и вряд ли отказалась бы от его денег и связей.

Фернан нанял лучших детективов, которые до сих пор занимаются ее поисками. Они растеклись по всему миру, но никаких новостей и зацепок пока так и не обнаружили. Тем не менее он не оставлял попыток найти жену. Посулил вознаграждение за любые подтвержденные о ней сведения. Сумма, обещанная Алмазным королем, позволила бы информатору жить безбедно до конца своих дней.

Пусть их отношения были непростыми, но Фернан хотел ее вернуть, знать, что с ней все в порядке. Его желание было искренним. Особенно ради девочек, которые безумно скучали по матери. Несмотря на премерзкое к ним с ее стороны отношение, они тянулись к ней, как цветы к солнцу. Отчаянно нуждались в той ласке, которую она, увы, не желала им дарить.

Он не прекращал поиски, но... Журналистам нравилась эта тема. Им доставляло удовольствие совать свой нос в их отношения, вытаскивать на поверхность всю грязь, до которой только могли докопаться, смаковать каждую мелочь из их жизни. Вот и дежурили под окнами сутками.

Идиоты.

Фернан стянул рубашку и хотел перекинуть ее через спинку кресла, но заметил странную жемчужную пыльцу на ткани и своих ладонях. Тут же вспомнилось сияние кожи Селани, тяжесть ее тела, когда он нес ее в спальню, легкий запах духов. Глубокий вздох, который можно было принять за стон...

Он отбросил рубашку, словно она была ядовитой длиньюгой, и упал на постель.

Видимо, он совсем заработался, и ему нужна женщина, чтобы спустить пар, раз начал смотреть в сторону Тонэ.

А с ней самой нужно разобраться. Если хочет быть няней, пусть. В конце концов, как-то же ей удалось убаюкать малышей (по собственному опыту он знал, что это не так-то просто)... Вот только такие женщины пойдут на что угодно, лишь бы заполучить желаемое. Эта мысль заставила его нахмуриться, но ее тут же сменила другая.

Отразившаяся саркастичной улыбкой на губах.

«Завтра разберемся, зачем вы здесь на самом деле, мирэль Тонэ», – закрывая глаза, подумал Фернан Демаре.

Глава 5

Проверка на профпригодность

Ира Илларионова

Сейчас я открою глаза... Да, вот прямо сейчас. Только наберусь храбрости и сразу убежусь... убедюсь... удостоверюсь, в общем, что я дома. По-другому ведь быть не может.

Ну, не может же?

Так, потихонечку. Сначала один глаз, потом...

Ой!

Зажмурилась, еще и ладони к лицу прижала, чтобы не видеть все окружавшее меня безобразие. Лепнина на потолке и шелковые обои с выющимися по ним жемчужного цвета колосями непрозрачно намекали, что я не дома. По крайней мере, точно не у себя. А в роскошном особняке Алмазного деспота и самодура.

Лежу на кровати, хоть и не помню, как в ней оказалась. Последнее, что сохранилось в памяти, – это как я рассказывала близняшкам диснеевский вариант «Русалочки». Дальше было море и Фернан в образе Аль Капоне, и вот я здесь. В Селани и, кажется, уже немножечко не в себе.

Вернее, не в себе совершенно, раз продолжаю находиться там, где находиться мне определенно не следовало бы.

В дверь негромко постучались, и я хриплым ото сна голосом разрешила кому бы то ни было войти.

На пороге показалась служанка. О роде занятий девушки свидетельствовало светло-серое форменное платье с белоснежным воротничком и такого же цвета фартуком. А еще смешная полукруглая шапочка.

Интересно, а няне полагается униформа? Хорошо бы. Потому что ходить блестяще-грязной как-то не комильфо. Я даже на шапочку согласна, лишь бы скорее расчехлиться – выбраться из дважды пострадавшего платья.

– Мирэль Тонэ, вас приглашает к себе мируар Демаре, – вежливым, но каким-то бесцветным голосом произнесла горничная и посторонилась, как бы намекая, что ожидают меня немедленно.

– Я могу сначала привести себя в порядок?

– Конечно.

– И где же? – выжидающе посмотрела на девушку, темные волосы которой были тщательно прилизаны и собраны в пучок на затылке.

– Ванная находится все там же. – В сдержанный тон добавили капельку яда. – В конце коридора направо.

Я бросила по сторонам рассеянный взгляд. Мебель из светлого дерева, воздушные занавески, скрывавшие кусочек лазурного неба и изумрудную зелень фруктовых деревьев. Здесь даже туалетный столик имелся и старинный, на гнутых ножках секретер. Идеальное место, чтобы собраться с мыслями и решить, как выбраться из этого мира.

А значит, Ирочка, сейчас ты приведешь себя в более-менее сносный вид, навесишь на лицо улыбку и отправишься к Демаре подписывать контракт. Или как тут у них устраиваются на работу.

– Куда мне потом идти? – спросила, прежде чем мы со служанкой разошлись в коридоре, как в море корабли.

– В кабинет мируара, – сообщила горничная и незаметно (это ей так казалось) скользнула по моему измятому перепачканному платью пренебрежительным взглядом.

Да я и в целом выглядела помятой. Это было видно в зеркале с позолоченной рамой над позолоченным умывальником.

А может, здесь все не позолоченное, а из чистого золота. А вон те прозрачные кристаллы над ванной, утопленные в кафель (каждый размером с крупную виноградину), вполне могут оказаться чистейшей воды алмазами.

Снова взглянув на чужое отражение, горестно вздохнула.

– Свет мой зеркальце, заткнись. – Вздохнула и принялась умываться.

Кое-как стерла косметику, разобрала пальцами спутавшиеся пряди. От драных чулок тоже решила избавиться. Лучше уж с голыми ногами, чем как девочка после гулянки. Смыла с рук радужную пыль, с горем пополам отряхнула платье, хоть оно продолжало мерцать и переливаться. Особенно сейчас, когда в окно струился яркий утренний свет. Обнаружив в шкафчике что-то, очень смахивающее на зубной порошок (по крайней мере, белая пыль приятно пахла мятой), почистила зубы пальцем. Хотя бы так, чем вообще никак.

Превратившись из жертвы маньяка в просто потрепанную жизнью ДРаНю, отправилась на поиски Демаре и его кабинета. Если честно, видеть Алмазного короля не хотелось.

Кабинет отыскался до противного быстро, а в нем, сосредоточенно черкая по бумаге перьевой ручкой, в своем фирменном кресле обнаружился Фернан Демаре.

– Доброе утро, – поздоровалась я, мысленно давая себе пинка и переступая порог комнаты.

Демаре оторвался от бумаг и отложил ручку, сосредоточив все свое внимание на мне. Судя по хмурому взгляду, которым меня поприветствовали, для кого-то утро это вышло очень злым.

– Проходите, – не предложили – приказали мне.

Улыбка, Ира, улыбка. Ты же умеешь улыбаться. Что тебе Миша говорил, когда предлагал выйти за него замуж? Что именно она, твоя улыбка, лишила его покоя и сна. И что невозможно не влюбиться в такую светлую девочку, как ты.

Но как, скажите, оставаться светлой девочкой рядом с таким мрачным типом? Даже если над этим домом сейчас соберутся все грозовые тучи этого мира, они не смогут соперничать с мрачностью его алмазного величества.

Но ты, Ира, улыбайся, улыбайся.

– Мирэль Тонэ, что у вас с лицом?

Все попытки насмарку.

– Вы хотели со мной поговорить? – посерьезнев, решила перейти от любезностей к делу.

– Хотел. – Хрипотца в низком глубоком голосе напоминала разгорающийся костер, жадно пожирающий сухие ветки.

Я себя сейчас чувствовала именно такой веткой, которую уничтожали жадным темным взглядом, отчего захотелось поежиться и уменьшиться до размеров микроба.

Демаре стремительно поднялся, обошел стол, к которому я имела неосторожность приблизиться. Опомниться не успела, как оказалась вжата в столешницу, впившись в ее край мягким местом. И на это самое место по-хозяйски властно легла широкая мужская ладонь, с силой сжав его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.